

Елена
Бриолле

ЧЕРНЫЙ,
КАК ТАЙНА,
СИНИЙ,
КАК СМЕРТЬ

«Изящные преступления Прекрасной
эпохи. Роман Елены Бриолле – детектив
про годы модерна. Захватывающе!»
— Антон Чиж

Елена Бриолле
Чёрный, как тайна,
синий, как смерть
Серия «Месье сыщик.
Тайны Прекрасной эпохи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68451934

Чёрный, как тайна, синий, как смерть:

ISBN 978-5-04-177153-9

Аннотация

Франция 1910-х годов... В мире искусства происходят громкие загадочные преступления. Распутывать их доверяют лучшему сыщику Парижа – отважному месье Ленуару.

Он пишет картины и подкручивает усы. А еще он блестящий сыщик – Габриэль Ленуар. В мае 1912 года ему поручают расследовать обстоятельства смерти дочери германского посла. Отношения между Францией и Германией накаляются до предела. Только в силах месье Ленуара сохранить хрупкий мир в Европе. Он приступает к делу и... в погибшей узнает натурщицу, которая совсем недавно позировала ему. Неслыханная забава для дочери посла! Что еще скрывает смерть девушки?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	24
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	41
Глава 7	51
Глава 8	62
Глава 9	71
Глава 10	76
Глава 11	85
Глава 12	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Елена Бриолле

Чёрный, как тайна, синий, как смерть

*Культура – это лишь тоненькая яблочная
кожура над раскалённым хаосом.*

Фридрих Ницше

© Бриолле Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Потерянный рай

16 мая 1912 года, четверг

Сил больше не было. Дышать становилось всё труднее. Она кашляла, кашляла и судорожно пыталась поймать ртом ночной туман. Единственное весло зашаталось и соскользнуло в воду. Её трясло от холода и от мысли, что если она не выплывет, то никто так ничего и не узнает.

Пытаясь унять кашель и боль в разрывающихся лёгких, она медленно опустилась на дно лодки и посмотрела в небо. Звёзд не было. Девушка взяла в руки свой тяжелый, как её жизнь, талисман. Глаза стали закрываться, потом она снова закашлялась... В голове звучало только одно: «*Fluctuat nec mergitur... Fluctuat nec mergitur...*»¹.

* * *

В мае весь Париж при первой же возможности пересаживается на велосипеды и несётся за город. Всем хочется забыть о душных магазинах, кабинетах и квадратных комнатах и отправиться в компании друзей навстречу легкомыслию и веселью.

¹ «Его топят, а он не тонет». Латинский девиз Парижа.

Честные работяги и мидинетки, студенты и кабинетные крысы собирают утром корзинку с бутербродами и мчатся на площадь Этуаль². К ним подъезжает пыхтящий паровой трамвай № 38, упаковывает по сто человек в свои вагоны и увозит счастливых за город.

Чопорные и менее чопорные дамы с кавалерами, детьми, собаками, соломенными шляпами и зонтиками дружной толпой осаждают поезд, уходящий в Рюэй-Мальмезон и Шату. Они кутаются в платки, чтобы не дышать сажей и дымом, и поднимаются на империал. Многие уже друг друга знают, а остальные скоро познакомятся.

У станции шумную толпу встречают и ведут к эллингам. Мужчины переодеваются в экзотические матроски, сапоги и подкручивают усы в форме велосипедных рулей. Их спутницы поправляют воланы на платьях и раскрывают голубые, желтые, зелёные и красные шёлковые зонтики. На головах выбравшейся на отдых публики красуются «горшки с цветами», «дыневые колокольчики», «бразильские широкополые шляпы», рыбацкие береты с красными помпонами, мягкие кепки моряков и жокеев, полосатые колпаки и даже вызывающие пиратские платки!

Спустив лодки на воду, парижане забывают о столичных проблемах. В одной лодке дети подгоняют сидящего на вёслах папу, чтобы тот обогнал соседей. В другой – молодой

² Современная площадь Шарля де Голля, на которой расположена Триумфальная арка.

повеса играет со своей спутницей в «да и нет». В третьей хором горланят песни и кричат «Оэ!» при встрече с другими водными путешественниками. Ялики, душегубки, байдарки, челноки сталкиваются, смешиваются и скрещиваются, при этом парусники Аржантёя игнорируют паромщиков из Круасси, а ялики Шату соревнуются с лодками Буживаля, пытаясь похитить у соседей понравившуюся им красавицу прямо на воде. Над всеми ними возвышается пароход «Турист», перевозящий пассажиров от вокзала д'Орсэ в западные окрестности Парижа.

После первого заплыва взмокшие от пота столичные «речные волки» пришвартовываются к берегу. Наступает время «обедов на траве» и легкомысленных сиест в тени деревьев. Кто побогаче – спешит в одну из прибрежных закусочных. Здесь подают свежепойманную рыбку с жареной картошкой. Закусочные борются за каждого клиента и зазывают их на свой манер. В одной играет аккордеон, в другой за дополнительный франк можно поцеловать хозяйку, разбить тарелку или получить чашку кофе.

В знаменитом «Доме Фурнез» Альфонс-старший устраивает праздники, водные турниры, ночные «венетские прогулки», регаты и танцы. Его сын, Альфонс-младший, сдаёт в аренду лодки и учит новичков правильно орудовать вёслами. Мадам Фурнез управляет гостиницей и кухней, а дочь Альфонсин прислуживает в местном кафе и позирует обаятельным художникам-импрессионистам.

Главное слово выходных – «опьянение». Опьянение от качки на воде, от дешёвого, не обложенного акцизом вина, от любви и от безумных вечеров.

Под конец дня утомленные парижане отправляются танцевать кадриль, а самые смелые ритмично выплясывают акробатические па «каю». Все плавают, едят, поют, курят, пьют и любят до последнего свистка поезда. Наконец в одиннадцать часов ночи Сена прощается с жужжащим роем лодочников и погружается в сон.

17 мая 1912 года, утро пятницы

Эмиль вышел из каюты. Какая благодать! Влажный воздух, как старый друг, заполнил его лёгкие и разгладил морщины обветренного лица. Шкипер «Дьяволицы» провел ручищей по длинным седым волосам и вздохнул.

Баржа Эмилю досталась от отца. Здесь шкипер жил и здесь же всю неделю гнул спину, чтобы тягач «Бернар» вовремя смог доставить лес в Париж. На такие чужаков не пускают. Нет, его «Дьяволица» не для столичных шутов. Дома они вели себя тише воды ниже травы, а в его родном Буживале галдели да девок смущали.

Мари из-за одного из таких хахалей утопла. Видная была девка: и нос, и корма – всё на месте, да и умом в отца пошла. А тут объявился один столичный, из тех, кто каждый четверг в «Лягушатню» на канкан приезжал поглазеть, да и сгинула сестрёнка... Сейчас уже с племяшем мясника бы повенчалась, деток бы нарожали... Тьфу, да и только! Нашли то-

гда Мари мёртвой. «Утопла» она... Как могла утонуть сестра шкипера, ведь всю жизнь на воде жила! Да река ей – мать родна!

Вспоминая о сестре каждый четверг, в день балов в «Лягушатне», Эмиль всегда пил. Вот и накануне хлебнул бутылочку дешёвого синего вина из Аржентёя и прикемарил.

Проснулся рано – ещё собаки булочника не брехали, а тот встаёт печь свои булки в восемь склянок. Надо было покрепче перевязать оставшиеся десять брёвен, чтобы не скачивались. Эмиль разогнул огромную спину и потянулся. Работа прежде всего. Пока потел, утренняя дымка рассеялась. Эмиль облокотился на борт и закурил. Его Сена спокойно уносила прочь от суетного Парижа. Вдали показалась одинокая лодка.

Эмиль достал бинокль, хмыкнул и посмотрел ещё раз. Такие лодки использовались для развлекательных прогулок. Хм, откуда она тут оказалась? Ничья? Что ж, была ничья, а станет его. Недолго думая, буживальский речной волк спустил шлюпку со своей «Дьяволицы», прыгнул вниз и быстрыми, ловкими движениями погреб в сторону отбившейся от стада овцы.

Через десять минут он догнал беглянку, схватил её лапшей за борт и подтянул к себе. На дне лодки лежала девушка в белом платье. Босая, с растрёпанными рыжими волосами. Она как-то неестественно уставилась большими глазами в небо, а левой рукой прижимала к груди не то какой-то ку-

лон, не то медальон. Эмиль протянул руку и пощупал пульс девушки – она была мертва...

Глава 2

Мечты о будущем и о любви

12 мая 1912 г., воскресенье

Дени крался по папиной мастерской, стараясь не наступать на разбросанные по паркету тряпки, тюбики с красками и баночки с маслом.

– Это твоё последнее слово, предатель? – обратился он к мольберту, угрожая деревянной каракатице веником. – Как ты посмел? Наши позиции врагу? Немцы убили моего деда, а ты... Военный суд приговаривает тебя к смерти!

Мальчик размахнулся, и в следующую минуту поверженный мольберт грохнулся на пол. За ним полетела на кровать подставка для холстов и готовых картин.

Попугай из клетки у окна затараторил: «Каррамба! Каррамба!»

Дени съежился, метнулся за ширму и замер. Рядом с ним стояла раковина с замызганным полотенцем и двумя злыми кусками мыла: один для рук, второй – для кистей. Под крапом набухла и сорвалась вниз капля вода. Кап!

Дверь открылась. В мастерскую зашёл отец:

– Что это?.. Что ты опять натворил?! Дени!

Мальчик почти не дышал.

– Дени! В папину мастерскую заходить нельзя! Я говорил

тебе это: да или нет?

Молчание.

– А ну-ка вылезай оттуда! Сейчас ты у меня получишь!

Люсьен де Фижак бросился и резко отодвинул ширму. Дени выставил руки перед собой и попятился к стенке.

– Папа, извини! Извини, папочка! Не надо!..

Отец схватил Дени за шкуру и выволок на середину комнаты.

– Я покажу тебе, как не слушаться! Ишь, всю мастерскую мне разворотил, щенок! Снимай штаны!

– Люсьен, прекрати! – Голос у двери звучал так, что ему невозможно было не подчиниться. Де Фижак выпустил Дени, но тут же огрызнулся:

– Не вмешивайся! Это мой сын, и я сам решаю, как его воспитывать!

Мальчик юркнул к выходу. В дверном проёме стоял дядя Габриэль. Папа называл своего лучшего друга «Ленуар», «Чёрный». Дени точно не знал, фамилия это или прозвище. Мама говорила, что, даже если у дяди Габриэля усы, волосы и костюм были чернее золы, душа у него добрая. И глаза голубые. Чуть что, мама всегда советовала обратиться за советом к Чёрному.

Дядя Габриэль пригладил широкой ладонью густые волосы и почесал небритую щеку.

– Ты с кем тут сражался, малец?

– С немцами.

– Победил?

– Ага.

– Люсьен, твой сын победил бошей! Причем, судя по всему, победа была разгромной, а ты скандалишь.

Габриэль взял листок бумаги и, сев на пол, сложил из него кораблик.

– Держи, парень! Давай это будет «Дункан», бригантина, на которой дети капитана Гранта отправились искать отца и совершили кругосветное путешествие. Продвигаясь со скоростью пятнадцать узлов, они добрались до мыса Горн и...

– Ты бы лучше помог порядок навести, а не языком трепал, – проворчал де Фижак.

Дени взял у Габриэля кораблик, кивнул ему и исчез за дверью.

– К матери побежал жаловаться.

– А Беатрис дома?

– Да, она с младшими у матери моей на втором этаже.

Когда-то доходный дом на улице Бонапарта купил дед Люсьена. Постепенно квартирантов заменили младшие де Фижаки, а потом их дети и внуки. Сегодня весь дом принадлежал одной семье, соседи его так и называли: «улей де Фижаков». Жили небогато, но прилично. Сам Люсьен давно обзавёлся женой, тремя детьми и лысиной. Он зарабатывал на хлеб тем, что писал на заказ портреты. Свою мастерскую он считал крепостью и убежищем и методично защищал её от любых посягательств многочисленных родственников и

детей.

– Я же не со зла! Здешнюю вонь от керосина и льняного масла может спокойно выносить только мистер Флинт...

– Каррамба! Каррамба! – отозвался попугай.

– ...детям нужны не папины картины, а свежий воздух и движение! К тому же, если они мне портрет какой попортят, сами потом без курицы на обед останутся. Вот будут у тебя свои дети, увидишь, как с ними трудно.

– Хотелось бы. – Габриэль поднялся с пола и молча отряхнулся.

– Ленуар, хм, извини, я не хотел... Я тебя что позвал-то сегодня. С натурщицей новой познакомился. Выходил из лавки художников на улице Мабийон, а она стоит у кондитерской «Медичи» и с аппетитом надкусывает пирожное «Пари-Брест». В общем, напомнила она мне её. Такая рыжая, в очках... Ну, сам увидишь!

– Ну зачем ты это делаешь? Столько лет прошло...

– Прошло-то прошло, но ты ведь её так и не забыл.

– Как я её могу забыть?

– Пора забыть, Габриэль. Элизу не спасти и не вернуть. Хватит уже траур носить, у тебя ещё вся жизнь впереди. Надо и о себе подумать. Это я тебе как её брат и как твой лучший друг говорю.

В дверь квартиры постучали. Де Фижак открыл, и в комнату вошла совсем юная девушка в очках. Она деловито протянула Габриэлю руку и представилась:

– Анаис Марино. Люсьен не предупредил меня, что будет не один. Вы тоже художник?

Девушка действительно очень походила на Элизу. Те же зелёные глаза и усыпанный веснушками нос. Та же подростковая угловатость. Только волосы у неё были аккуратно уложены на затылке, а Элиза любила косы.

– Ваш друг немой? – обратилась девушка к Люсьену.

– Гм, нет, – возразил Габриэль.

– Так вы художник?

– Я... Я поэт. – Ему показалось неуместным портить девушке настроение, называя свою истинную профессию.

– О, как Гийом Аполлинер?

– Как Жан-Батист Мольер!

– Предпочитаете классику?

– Люблю хорошую литературу.

– Это Габриэль Фульк Ленуар, – представил друга Люсьен. Девушка вскинула тонкую бровь:

– «Фульк»? Какое странное второе имя. Немецкое? Как «фольк» – «народ»?

– Вам виднее, мадемуазель, – ответил Габриэль.

– Это старинное имя его предков, герцогов Анжуйских! Отец Габриэля увлекался историей, вот и выбрал такое имечко для своего отпрыска, – доверительным тоном сообщил Люсьен.

– Я польщена, что сегодня меня будет рисовать потомок герцогов Анжуйских. Кажется, от них начинается ветвь ди-

настии Плантагенетов. Английские короли тоже у вас в родственниках?

– В дальних. Настолько дальних, что я давно не считаю себя джентльменом.

– Благородство не в том, кем вы себя считаете, а в том, как вы себя ведёте, мсье Ленуар.

Люсьен сгрёб последние тюбики с красками, валявшиеся на полу, и суетливым жестом пригласил натурщицу проходить.

– Анаис, здесь, за ширмой, можете переодеться. Я приготовил для вас костюм Шахерезады. Вы не возражаете?

– Если мне не придётся рассказывать вам сказки, чтобы сохранить себе жизнь, то не возражаю, – улыбнулась девушка и скрылась за ширмой.

Люсьен отодвинул от стены два сундука и установил перед ними мольберты. Затем наклонился к другу и прошептал:

– Ну, как она тебе?

– Сколько ей лет?

– Семнадцать.

– Как Элизе. Совсем ещё ребёнок.

– Ты её старше не на всю жизнь, а всего на двадцать лет.

– Брось... Я ведь не жених на выданье, а ты не сваха.

Тем временем девушка отодвинула ширму и предстала в роли Шахерезады. Атласные шаровары и расшитый верх изящно подчёркивали естественные изгибы её тела. На шее висели часы, а на голове красовался расшитый искусствен-

ным жемчугом тюрбан. Анаис подожгла спичку, задула огонь и, посмотрев в зеркальце над раковиной, подвела чёрным цветом рыжие брови... Художники переглянулись, и Люсьен заплодировал.

– Вы настоящая правительница Востока, Анаис! Какая грация! Устраивайтесь на кровати. Первая поза будет длиться сорок пять минут.

Приятелям и раньше приходилось вместе рисовать с натуры, но обычно Габриэль к натурщицам был равнодушен. В глазах большинства из них читались усталость и безразличие. Они переодевались и принимали позу, будто слово «искусство» происходило от слова «ремесло». Умение простоять пять минут в неподвижности, как древнегреческая статуя, им казалось достаточным, чтобы заработать своё жалование. Натурщиц было много, а музыки – наперечёт. Вместо заряженных небесным огнем богинь стояли холодные статуи. Мало кто понимал, что для творчества художнику душа модели была важнее её тела.

А эта девушка понимала. Она присела на кровать и посмотрела на свои часы. Затем выгнулась, обхватила плечи тонкими пальцами и посмотрела на друзей. При этом взгляд её был не отрешённым взглядом переодетой в костюм девушки. Нет, он обжигал, притягивал. Иллюзия сказочницы из «1001 ночи» получилась настолько убедительной, что у Габриэля побежали мурашки.

Люсьен подобрал живот, посмотрел на модель и поста-

вил точку на натянутую на деревянный каркас бумагу. Отметив карандашом пропорции, он попытался и поставил вторую точку... Как настоящий академист, Люсьен работал медленно, вырисовывая каждую деталь. Его рисунки, словно живые люди, рельефно проступали с картин. Однако картины де Фижака реалистично передавали детали, но не передавали сути человека.

Сам же Габриэль Лёнуар был мастером карикатур. В своих рисунках он подчёркивал главные «выпуклости» своих моделей. Благодаря этому таланту у него всегда были плохие отметки по черчению и прекрасные отношения со всеми школьными хулиганами.

Он взял кусочек угля и сделал быстрый набросок Анаис. На это у него ушло не более пяти минут. Затем он отложил уголёк в сторону и устался на натурщицу.

Девушка сначала слегка поджала губу и ещё раз посмотрела на часы. А через несколько минут не выдержала и сказала:

– Господин Лёнуар, вы уже закончили?

– Мне не нужно много времени, чтобы изобразить вашу очаровательную улыбку.

Анаис смутилась, но тут же нашлась:

– Держу пари, что вы только улыбку и изобразили! Как у Чеширского кота.

– Вашим губам я действительно уделил особое внимание. Мне куда милее ваши уста, чем мои листы. Пришлось отло-

жить уголь в сторону, – развёл руками Габриэль.

Анаис снова покраснела. Габриэлю доставляло удовольствие смущать девушку.

– Господин Ленуар, срочно предъявите мне результат ваших пятиминутных стараний! И имейте в виду: я всё равно возьму двойную плату за сегодняшнюю работу!

Габриэль повернул к ней лист, и Анаис весело и громко рассмеялась. Почти половину рисунка занимали огромные глаза и губы, на щеках чернели точки веснушек, и в целом вместо томной Шахерезады на Анаис смотрело свежее молодое личико.

– Ха-ха-ха! Ленуар, я буду называть вас Чёрным котом, потому что вы рисуете как кот хвостом!

– А вы всем жертвам искусства подбираете подобные клички? – спросил Габриэль.

– Габриэль, ты опять меня сбиваешь. Я только настроился – не отвлекай Анаис! – проворчал Люсьен.

– Нет, но в моем личном зверинце только Люсьен, вы и художники из Клуба кобальта.

– И с какими животными мне приходится делить эту честь?

– С Псом, Медведем, Петухом, Лягушкой, Аистом, Ежом, Волком и Попугаем.

– Какой нескладный вышел зверинец.

– А люди вообще очень разные по своей природе...

– Попугай – это ты, Люсьен? Поздравляю!

– Да, но прошу вас, не отвлекайтесь! Я работаю! – отозвался Люсьен.

– Значит, я Чёрный кот.

– Да.

– И в чем же заключается моя природа?

– Вы независимый и когтистый.

– А другие художники чем заслужили свои клички?

– А вы приходите туда в следующую пятницу и самостоятельно с ними познакомитесь. Я поговорю с основателем клуба. Если согласитесь рисовать синим цветом, думаю, возражать он не будет, – сказала Анаис.

– С чего вы взяли, что мне будет интересно с ними познакомиться? Один их перечень звучит угрожающе!

– Кто ничего не боится, не хочет и ни на что не надеется, тот не может быть настоящим художником.

– Да, почему бы тебе не сходить с Анаис в этот клуб, Габриэль? Синий – твой любимый цвет! – съязвил раздражённый Люсьен. – По праздникам он одевается только в синее!

– Так, значит, вы не поэт, а военный? Или... полицейский? Я угадала? – предположила Анаис.

– Почти. Но одно ведь другому не мешает. Вот вы чего боитесь, чего хотите и на что надеетесь в этой жизни? – промурлыкал Ленуар.

Девушка опустила глаза и ответила не сразу:

– Я танцую в «Опера-Комик»... И мечтаю перейти в Опера Гарнье... А боюсь я только одного – что не смогу выбрать

своё будущее.

– Окончательно выбрать будущее нельзя, потому что любое будущее постоянно меняется.

Они с Анаис снова переглянулись. Габриэль не выдержал её вопрошающего взгляда, и теперь настало время ему опустить глаза. Зачем он вообще умничает с этой девочкой? Она вполне самостоятельна и уверена в себе, чтобы со временем усвоить собственные жизненные уроки. Габриэль прикусил ус и попытался снова встать на рельсы легкомыслия:

– Что ж, мне очень повезло! Скоро может представиться случай изучить своих соперников. Где, вы сказали, находится этот Клуб кобальта?..

– Анаис, запишите ему адрес после сеанса, а теперь давайте всё-таки поработаем! – снова встрял Люсьен.

После ухода девушки в мастерской остался аромат её духов.

– Ну как тебе моя новая натурщица? Балерина!

– Нет, она не балерина, – возразил Габриэль. – Да и зовут её не Анаис Марино.

– Брось, Габриэль. С чего ты взял?

– Разве не очевидно? У балерин пальцы ног обычно искривлённые, а у этой девушки прекрасные нежные пальчики. Штрих первый, – сказал Габриэль, пытаясь объяснить ход своих мыслей.

– Хорошо, но зачем тогда она солгала?

– Не знаю. Но балерины в детстве не читают ни арабских сказок, ни Льюиса Кэрролла. Эти книги издавались как книги для взрослых. Ни одна простая француженка не могла себе позволить их купить. Моя мама, например, не могла. Штрих второй, – продолжал развивать свою мысль Габриэль.

– А ведь я тоже ребёнком не читал Кэрролла! Получается, что она из благородных, да? А почему ты думаешь, что её зовут не Анаис Марино?

– Ты слышал её акцент?

– Да, есть немного, а что? В каждой французской провинции люди говорят с собственным акцентом.

– У неё южная фамилия, а акцент не южный, заметил? Она родилась не на юге Франции и не в Италии. Она родилась в Германии. Поэтому и знает, что «фольк» с немецкого – это «народ». Штрих третий, и последний. Вот и получился твой портрет незнакомки.

– Хорошо, пусть так. Но она тебе понравилась?

– Люсьен, эта девушка очаровательна, но она же ещё совсем ребёнок...

– Сегодня ребёнок, а через пару лет уже верная супруга.

– Чепуха! Ни одна здравомыслящая девушка не захочет жить с таким, как я. Тем более такая леди. Ладно, мне пора. На этой неделе будем брать банду Бонно, мне надо ещё подготовиться.

– Банду Бонно? Жюля Бонно, анархиста, грабящего банки? Какой ты отважный, Габриэль Ленуар!

С этим агент Безопасности, как называли самый секретный отдел парижской префектуры полиции, спорить не стал.

Глава 3

Возвращение на землю

17 мая 1912 г., пятница

Черт! Зачем он вообще погнался за этой лодкой? Здесь же мертвечина! Таким, как она, не надо вощить палубу перед каютой. Сразу видно, что из благородных, из богатеньких... Её бы пальчиками только цветочки вышивать да в окошечко глядеть, не появится ли суженый, на чём он там появляется.

Может, лучше вообще бросить это дело и айда обратно домой? Шкипер крикнул и посмотрел на берег. Нет, слишком поздно: вон Мартин из «Масляной лавки Буживаля» уже гонит лошадей поить. И с понтона, где прямо на воде построили «Горячие бани», хозяин уже зыркает в сторону Эмиля. Скоро Сена окончательно оживёт. Проснутся другие лодочники, засуетятся грузчики, прибегут носильщики воды, собачьи цирюльники, прачки, рыбаки, бродяги... Что тут поделаешь? Его уже заметили – придётся тащить лодку с мёртвой до берега, прости господи! Эмиль перекрестился, привязал лодку к шлюпке и погреб обратно.

Гребёт-гребёт, а в голове червячок роет свою дырочку. А что девушка в руке-то зажала? Может, медальончик какой? Взял бы, и продать можно будет. Вон, Клеман с «Эксельсиора» однажды тоже так целое сокровище нашёл! Выловил

труп собаки, а на той цепочка золотая. Что только не придёт в голову этим благородным господам! Золотую цепочку на собаку напялили! Во дают! У Эмиля штанов-то чистых нет, обноски носит, а эти собаку наряжают! Клеман тогда цепочку себе взял. Вся лодочная братия одобрила. Пошли отмечать в ресторан «Гордый петух». Может, и Эмилю на этот раз повезёт?

Шкипер снова склонился над девушкой. Грех было мёртвую раздевать, но зачем ей теперь украшения? Эмиль ещё раз подтянул к себе чужую лодку и пощупал находку. Серебро, точно серебро! Жилистые пальцы скользили по медальону в поисках застёжки. Ничего. Эмиль оглянулся. Мартин скакал по мелководу на своём коне и не обращал внимания на лодочника. Тогда Эмиль наклонился и одним движением сдёрнул цепочку с шеи девушки. Цепочка порвалась, ну да ладно. Осталось теперь только пальцы разжать, а то вцепилась молодуха мёртвой хваткой... Эмиль с хрустом разогнул пару пальцев, сломав девушке ноготь. Этого оказалось достаточно, чтобы вытащить из ладони... Часы! Хороший улов! Ай да Эмиль, ай да молодец! Часы стоят дороже, чем разные медальончики! Да какие нарядные! Корона на них и надпись. Эмиль был неграмотен, не разобрал, что там было написано. Ну, это не главное. Открыл часики – тикают! Значит, рабочие. За это ещё больше денег дадут.

Эмиль связал цепочку узлом, сунул часики себе в квадратный карман и вздохнул с облегчением. Пощупал гладкий

кругляш серебра, и тепло ему стало на душе. Теперь тоже всех пригласит в «Гордого петуха», да и свечку за Мари поставит. Оставшиеся деньги на буксир отложит. Теперь, дай бог, хватит.

Погрёб дальше. Пришвартовал свою шлюпку к родной «Дьяволице», поднялся на борт и заорал:

– Мартин, дуй за полицейским! У меня тут девка окочурилась!

Так звонко кричать умели только лодочники. Через минуту про мёртвый груз знала уже вся набережная Буживаля. У «Дьяволицы» собирались дети. Подоспевшие прачки гудели и смотрели, не вынесет ли Эмиль труп. Но Эмиль был представителем речного народа и на берег выходил только в церковь или в бар. Приходилось ждать полицию.

Глава 4

Палочка-выручалочка

Шеф бригады краж и убийств Марсель Пизон был сегодня не в духе. Он взглянул на пожелтевшие портреты президентов Третьей Республики, а потом на часы. Время обеденного перерыва уже давно прошло, а его главный агент с утра носа не показывал. В общем зале собрались и другие агенты, но тут нужен был человек с головой.

Пизон достал из первого ящика стола тряпку и принялся тщательно вытирать учебники, кодексы и полицейские должностные инструкции, аккуратным рядком сложенные у него в шкафу. Не то чтобы там успела накопиться пыль, но сегодня Пизон волновался. И поскольку волноваться шефу бригады приходилось в последнее время каждый день, его кабинет сиял пугающей чистотой. Здесь даже запрещалось плевать на пол.

Вошёл секретарь. Он нёс стопку бумаг, но, увидев начальника с тряпкой в руках, застыл как вкопанный в дверях и отвёл взгляд на тюлевые занавески. Они были такими же чистыми, как белоснежная манишка Пизона.

– Всё в порядке, ш-шеф? – предчувствуя недоброе, спросил секретарь.

– Где Ленуар? – рыкнул в ответ Пизон.

– Ещё не появлялся.

– Разве я не говорил, что хочу срочно его видеть?

– Говорили, но я...

– Каби, за что я вам жалованье плачу? За то, чтобы вы перекладывали с места на место кучу бумаг? – при этом Пизон в сердцах бросил тряпку секретарю прямо в лицо. – Мне здесь не собачки нужны, а ищейки!

Каби часто заморгал, больше от унижения, чем от пыли. Затем медленно положил документы на стол Пизона и гордо выпрямился.

– Господин Пизон, п-позвольте... Я знаю, что вы мой начальник, но ваше поведение оскорбляет мою честь. Д-думаю, что на сей раз с меня хватит. Я п-подаю в отставку! – уже в полный голос окончил Каби свой достойный монолог и развернулся к двери.

– Куда?! – заорал на него Пизон. – Отставить отставку! Иначе сейчас запущу в вас этой чернильницей!

Секретарь снова замер на месте.

– Что за малодушие, Каби? Как будто вчера родились! Лучше приведите ко мне этого негодяя Ленуара! Не человек, а проходимец какой-то! Хочет – ходит на работу, не хочет – не ходит. На каторгу его сошлю, пусть там попроходимствует, мерзавец! – продолжал реветь Пизон.

На этой торжественной ноте в дверном проеме возник сам Ленуар.

– Несчастный мерзавец к вашим услугам, шеф! – сказал

он, пропуская Каби обратно в приёмную.

– А, Ленуар! – немного растерялся Пизон. – Что-то ты припозднился сегодня.

– Прошу прощения, шеф. Вы же сами сказали, что все, кто участвовал в операции по захвату банды Бонно, могут взять пару выходных.

Пизону вдруг стало жарко. Он оттянул толстым пальцем воротничок, затем повернулся к Ленуару и примирительно проворчал:

– Ты хоть бы волосы причесал да костюм погладил, Габриэль! А то вечно помятый ходишь! Словно бандит какой-то.

– Что-то случилось? – понял наконец состояние начальника Ленуар.

– Случилось... – окончательно понизив голос, проговорил Пизон и вытер платочком пот со лба. От этой жары просто некуда деться! Начальник бригады краж и убийств с трудом втиснулся в щель между старым креслом и столом и с облегчением сел.

– Лепин хочет поручить нам какое-то новое дело? – снова догадался Ленуар.

– Какое-то дело? Да, только не просто какое-то дело! А дело государственной важности, Ленуар! Дело чести Франции и французской полиции! Сегодня ночью один тип в Буживале вытащил из Сены лодку с мёртвой девушкой. А местный полицейский ничего умнее не придумал, как притащить её на своей кляче в наш морг.

– Разве этим не должны заниматься местные комиссары?

– Оказалось, что это София, дочь Вильгельма фон Шёна. Знаешь его?

В ответ Лёнуар только пожал плечами.

– Вильгельм фон Шён, – продолжил Пизон, – служит в Париже послом Германской империи. Его сын Вильгельм тоже метит в дипломаты, дочь приехала в Париж учиться в пансион мисс Дженкинс, а сегодня утром при непонятных обстоятельствах найдена мёртвой.

– Так её убили или нет?

– Вот это тебе и предстоит выяснить. Лепин хочет, чтобы этим делом занялся именно ты. Тут надо крестиком вышивать, иначе придётся ставить жирные крестики на нас самих! Ты только представь, какой будет скандал, если барышню уколошил француз.

Лёнуар отлично мог себе это представить. После того как Франция потеряла в войне с Пруссией Эльзас и Лотарингию, в стране теплились реваншистские настроения. Люди не хотели войны, но и забывать об аннексии французских провинций отказывались. Президенту Арману Фальеру ещё удавалось сглаживать углы, но его окружение и парижская пресса были настроены к соседям далеко не так дружелюбно. Быстрый экономический рост Германии и строительство немецкого флота настораживали не только французов, но и англичан, которым в ответ тоже приходилось строить новые ко-

рабли. Соперничество между странами нарастало. В колониях уже начались первые столкновения, и этот огонь в любой момент мог перекинуться на Европу. Франция была вынуждена заключить союзнический договор с далекой Российской империей и даже со своими историческими врагами – англичанами. Никто об этом открыто не заявлял, но вся Европа сидела на пороховой бочке.

– Я уже не говорю о репутации нашего отдела и самого Лепина! Если не разгребём эту навозную кучу, журналисты нас линчуют! И никакой успех по захвату и расправе с Бонно не спасёт. Бонно был местным, а тут международная политика! Понимаешь, к чему я клоню? – продолжал волноваться Пизон.

– Понимаю, шеф. Тело девушки сейчас в морге? Что известно об обстоятельствах её смерти?

– Её же только утром обнаружили! Ничего толком не известно. Слушай, Ленуар, если понадобится, я дам тебе людей, но ты должен разобраться, что там с ней случилось, причём вне зависимости от того, будет ли её отец на этом настаивать или нет. На тебя рассчитывает Лепин, на тебя рассчитываем я и вся Франция! Выручай, чертяка!

Глава 5

Печать смерти

Ленуар вышел из здания префектуры и зашагал вдоль набережной. Сыщик был рад, что у острова Сите, с его судом, полицией и казармами жандармов, ещё оставалось сердце. Оно билось в стенах собора Парижской Богоматери. Однако за лепным фасадом и разноцветными витражами собора возвышалось ещё одно массивное казённое здание. На Архиепископской набережной находился городской морг.

Всего каких-то пять лет назад морг был открыт для посетителей и соперничал по популярности с собором Парижской Богоматери. После каждой газетной статьи о совершённом преступлении люди и в снег, и в дождь приходили сюда стоять в очереди, чтобы хоть одним глазком посмотреть на жертву. Рабочие отпрашивались с заводов, жены – у мужей, школьники прогуливали школу – только бы первыми успеть на вернисаж смерти.

Выставочный зал на тридцать трупов находился прямо у входа. Сначала мёртвые тела выкладывали на мраморные лавки. Потом мраморные лавки заменили на железные, с приподнятой спинкой, чтобы посетители лучше видели лица покойных. От крови и влаги железо быстро покрывалось ржавчиной. Одежду представленных на обозрение публики

экспонатов вешали рядом. При входе в зал чувствовался резкий запах карболовой кислоты, кое-как пытавшейся перекрыть трупный смрад. Люди зажимали носы платочками, продолжая глазеть через стеклянную витрину на мёртвые тела. Все при этом шумели, болтали и делали важные замечания по поводу неподвижных соотечественников. Если морг был забит телами, то посетители считали, что выставка удалась.

«Хорошо, что Лепин прекратил это безобразие!» – подумал Лёнуар. В жизни он мало кого уважал, но Луи Лепин был одним из самых дельных начальников парижской префектуры полиции. Именно он издал декрет о закрытии морга для праздных посетителей. Раньше, чтобы полицейскому осмотреть труп, приходилось пробираться через толпу и звать сторожа, чтобы тот зашторил выставочный зал для посетителей. Конечно, публика протестовала, все нервничали и ругались... Теперь совсем другое дело. Если личность трупа не была установлена, труп фотографировали и вывешивали фотографию снаружи. А в сам морг толпу уже не пускали.

Лёнуар вошёл в обитель смерти и направился к местному Аиду – секретарю суда, который, кроме названия своей должности, никакого отношения к суду не имел. Господин Мёнье был здесь главным распорядителем. Он вел реестры, переписывался с официальными лицами, вёл статистику умерших, заказывал вскрытия трупов, принимал поступившие тела и выдавал их родственникам.

– Значит, дело о гибели девицы фон Шён поручили тебе? – спросил Мёнье.

– Да, надо же кому-то повышать статистику раскрытых дел.

– Ты не сыщик, а самодовольный болван, Ленуар! Вся работа за тебя уже сделана. Её опознали, и к завтрашнему дню, когда все бумаги будут заполнены, я передам останки семье, – при этом Мёнье пошёл к одному из своих шкафов, вытащил тяжёлый реестр и положил его перед Ленуаром на стол.

– Значит, я вовремя! Надо хотя бы для отчётности взглянуть на тело, пока её не забрал почтенный фатер, – сказал Ленуар.

– Габриэль, там и дела-то нет. Наш врач её ещё утром осмотрел: никаких следов насилия. Вот, сам почитай.

Ленуар открыл реестр. Запись была сделана врачом-инспектором Антуаном Шуано, его другом: «*Вид смерти: внезапная смерть, следов насилия нет. Вещи: платье, подъюбник, панталоны и лента для волос. Место нахождения трупа: лодка на Сене близ Буживаля*». Графа «Вскрытие» оставалась пустой.

– Мне сказали, что её нашёл шкипер прибрежной барки. Почему его не задержали? – полюбопытствовал агент Безопасности.

– Так ясно же сказано: следов насилия нет. За что прикажешь его арестовывать? За то, что он дамочку из Сены вы-

тащил?

– А имя и адрес у него есть? Как девушку доставили в морг? Кажется, полиция на водах к этому рук не прикладывала, или я ошибаюсь?

– Нет, эти лишний раз надрываться не будут, – ответил Мёнье. – Её местный полицейский на телегу повалил, прикрыл одеялом, да так из Буживаля на лошадке и доставил. Сказал, мол, ясно же, что не местная фифа. Местные «таких платьев не носят». А буживальского шкипера, похоже, все знают. Полицейский сказал, что девушку вытащил Эмиль-отшельник.

– Понятно. А как ты спящую красавицу опознал? Или она поднялась с телеги и представилась? – спросил Лемуар, делая пометку в своей записной книжке.

– Вот ты всё ерничаешь, Габриэль, а кто, по-твоему, осматривает вещи усопших? На девушке посторонних предметов обнаружено не было, только одежда. Мой помощник сразу послал за фотографом, платья как следует не осмотрел. А после фотографии платье принесли ко мне, – на этих словах старый Мёнье немного поперхнулся, – и я кое-что заметил. Швея на подкладке вышила её инициалы «S.S.» и имя «София фон Шён». Я послал об этом официальное уведомление Лепину, тот сообщил семье. Отец и мать уже приезжали и опознали тело. – По тону голоса Мёнье было заметно, что он гордился своей внимательностью и профессионализмом. – Так что бригаде краж и убийств больше здесь делать

нечего. Завтра передам тело семье, а они уже будут решать – проводить вскрытие или сразу хоронить.

– Мёнье, какой ты грамотный администратор! – проворчал Ленуар и добавил: – Дай мне осмотреть тело и можешь дальше реализовывать свой талант по части чтения, письма и разбора женской одежды.

Пока Мёнье доставал ключ от холодильной камеры, Ленуар думал о порученном ему деле. Дочь германского посла... Наверняка очередная аристократочка в поисках приключений отправилась за город, чтобы поразвлечься в компании друзей. А её, как в волшебной сказке, напоили и спать уложили... Надо узнать у Антуана, надругались ли над несчастной жертвой. Отец-посол, наверное, сейчас с ума сходит из-за всей этой истории. Сам виноват: куда смотрел? Делают детей, а потом отдают их на воспитание мамкам да нянькам с их романчиками и фельетончиками. Может, и хорошо, что у самого Габриэля нет ни жены, ни ребёнка. Его душа точно не выдержала бы такого потрясения, как смерть дочери.

Мёнье выдал Ленуару ключ, и сыщик направился в помещение за бывшим выставочным залом.

В нос сразу ударила сильная вонь. По проходам туда-сюда курсировали служащие в форменных халатах. Из приоткрытых дверей можно было увидеть кабинеты, в которых обычно проводилось вскрытие. Тут же стучали молотками и пилили доски столяры. Рядом с ними новые гробы разевали свои страшные рты, а чуть поодаль стояли гробы, которые

уже успели отхватить свой кусок человеческого мяса. В том же помещении лежали носилки и решётки, на которых омывали тела ещё не разложившихся покойников. По углам висели лохмотья и сушились какие-то тряпки неизвестного назначения. Полы здесь всегда были влажными и липкими. Каким бы Габриэль ни был бравым сыщиком, здесь ему всегда становилось дурно.

Наконец он подошёл к сокровищнице морга, на содержание которой уходила половина всего бюджета этого мрачного учреждения. Гигантский бурый шкаф имел четырнадцать ячеек. У каждой своя дверца, а за ней – замороженный труп. Холодильная машина Миньона и Руара под давлением жидкого аммиака на один килограмм угля производила двенадцать килограммов льда. Последнего было достаточно, чтобы заморозить в шкафу все четырнадцать трупов.

Ленуару уже не терпелось отсюда уйти, когда к нему подошёл Антуан, рослый детина с белой шевелюрой и тёмными мешками под глазами.

– Девчонка у нас сегодня что надо, Габриэль! – сказал он хриплым простуженным голосом.

– Ты понял, что там с ней стряслось? – спросил Ленуар. Ему хотелось побыстрее покончить и с неприятной процедурой осмотра тела, и с самим делом.

– Не-а! Мёнье велел написать, что всё чисто. Скандала боятся, – сказал приятель, подрезая надежду Габриэля на быстрое расследование. – Следов убийства действительно нет.

– Обещана?

– Нет! Но не девственница.

– От чего же она умерла? Кто у нас эксперт, ты или я?

– От горлового кровотечения: лента в волосах кровью запачкана. Наверное, вытерла ею рот. Похоже, что у неё был туберкулёз, хоть и молода она ещё для таких дел. По-хорошему, нужно вскрытие, но мне не дают: как-никак, дочь посла... А что я? Против Мёнье и воли родителей не попрёшь! – пожал плечами Антуан.

– Ладно, Антуан, открывай ящик. Посмотрим по-быстро-му, и я дальше побегу.

Однако, увидев тело девушки, Ленуар замер. По-быстро-му тут точно не получится...

– Что молчишь? Красивая, да? Жаль девчонку, – сказал Антуан.

Ленуару было не просто жаль девчонку. Увидев её тело, он словно оглох. У неё были мокрые рыжие волосы, большие глаза и губы. Те самые губы, которые он ещё неделю назад набросал на бумаге чёрным угольком. Те самые зелёные глаза, которые он надеялся увидеть сегодня вечером в Клубе кобальта. Выходит, на самом деле Анаис Марино была дочерью германского посла Софией фон Шён. Действительно – не балерина...

– ...А я ему говорю, что за свою практику уже вскрыл сотню девушек, и из-за этого ни одна из них ещё не забеременела! Хе-хе-хе! – продолжал гудеть Антуан.

Что же с тобой случилось, девочка? Неужели и вправду ненасильственная смерть? В прошлое воскресенье ты ведь не кашляла... Ленуар начал обходить и тщательно осматривать тело Софии. Действительно, никаких гематом, никаких порезов. Ступни ног запачканы – бежала босыми ногами по земле? Пару шрамов на правой коленке – в детстве поскользнулась и упала? Светлая полосочка на предплечье – кошка поцарапала? А что это за коротенькая голубая линия на шее с левой стороны?

– Антуан, а вот этот след оставили на живом или на мёртвом теле? – перебил приятеля Ленуар.

– А? Что? Вот этот? Хм, как-то я не обратил сразу на него внимания. Слушай, если бы она была в тот момент жива, то полоска была бы темнее. А так она почти незаметна.

В воскресенье на шее у Анаис, то есть у Софии, висели часы. Она их ещё использовала, чтобы отслеживать продолжительность позы. Может, сегодня ночью они тоже висели на шее девушки и кто-то их сдернул?

Ленуар с возрастающим интересом продолжил осмотр тела. И на этот раз взгляд его остановился на пальцах девушки. Ему показалось, что они слишком синие даже для трупа. Под ногти правой руки забился то ли песок, то ли грязь, а на указательном пальце левой руки сломался ноготь.

– А что у неё под ногтями?

– Белая краска и известь.

– Почему у девушки, умершей естественной смертью, под

ногтями какая-то известь? А кровь на ленте её собственная?

– Я взял первые анализы крови, но на сравнение нужно время.

– Антуан, окажи мне услугу. Разморозь её тело и сделай полный анализ крови. И пару пробирок оставь про запас. Вскрытие всё равно не разрешат проводить, но, может, анализы что-то покажут, – попросил он приятеля.

– Пару пробирок? А это будет не слишком много для такой девочки? У меня остались только литровые, – растерялся Антуан.

– Сделай одолжение, а? Один сдашь на анализы, а второй пока попридержи на всякий случай. Ты прав, что-то тут не сходится. А козырей у нас в этом деле пока никаких нет. Так что давай работать...

Ленуар вышел из морга и на секунду остановился. Неподалеку сидел чумазый чистильщик обуви, стучал палочкой по деревянной подставке для ног и горланил песенку:

*Печать смерти получил,
И любовь ушла в трактир,
Чтоб не мучила икота,
Николя идет работать!
Раз-два, раз-два,
Не болела б голова!*

Глава 6

Конец мечтам

То ли от жары, то ли от городской пыли, но голова у Габриэля сегодня разрывалась от боли. После смерти Элизы родители тоже решили не проводить вскрытие. Действительно, если дочь упала с крыши семиэтажного дома, то причина её смерти всем очевидна, зачем издеваться над телом? Габриэль с её отцом пытались добиться правды, узнать подробности, но полицейские долго разбираться не стали. Сказали, что Элиза покончила с собой. Вероятно, из-за несчастной любви или с подружками поругалась. Да мало ли из-за чего может броситься с крыши семнадцатилетняя дочь антиквара?

А как она оказалась на крыше отеля Lutetia? О её гибели тогда даже в газетах не написали. Будто и не было ничего. Это сейчас Габриэль понимал, что директор отеля любыми способами хотел замять некрасивую историю. А тогда он был ещё молод, служил с дядей в банке, мечтал о том, как они снимут с Элизой квартиру, как будут читать старые книги и играть вместе в шахматы... Это она научила его этой игре. Нет, их любовь точно нельзя было назвать несчастной! Да и друг у Элизы не было. Днем она помогала отцу в антикварной лавке, а с Габриэлем встречалась по выходным. Сколько

раз он поднимался с ней на крышу над их квартирой. Они говорили, говорили, говорили. Им всегда было друг с другом интересно. С ней он не боялся высоты. С ней он вообще ничего не боялся. А потом его Элиза погибла. С тех пор он стал одеваться в чёрное и никогда больше ни с кем не хотел прожить вместе всю жизнь...

Тогда, будучи банковским клерком, он ничего не мог сделать. А сейчас он сам полиция и сидеть сложа руки не собирался. Софию фон Шён опознали, значит, на поиски пропавших часов в распоряжении Габриэля Ленуара оставалось меньше суток. Часы исчезли после смерти Софии, до её передачи в руки буживальского полицейского. В реестре морга с его слов записали, что на девушке никаких предметов, кроме одежды, не обнаружено. Но на ней точно что-то было, и это что-то Ленуар собирался найти сегодня же в пятнадцати километрах от Парижа.

До Буживаля можно было добраться на поезде или пароходе «Турист». Но ни тот, ни другой транспорт сейчас не годились: слишком долго. О лошади и говорить не приходится. Где ему сейчас её выдадут? Только посмеются над «рыцарскими замашками» полицейского в штатском. Оставалось одно: ехать на паровом трамвае с площади Звезды. Если отправиться туда немедленно, то через полчаса Ленуар уже будет стоять на остановке. Сказано – сделано. Предупредив Пизона о своей поездке, сыщик поспешил в сторону Елисейских Полей и Триумфальной арки.

Трамвай громко пыхтел, волоча за собой три вагона. Заплатив за билет во второй класс семьдесят казённых сантимов, Ленуар уселся у окна и со скоростью двадцать километров в час поехал в Буживаль. Дорога пролежала через Курбевау, Нантер и Рюэй, и по пути Габриэль начал припоминать, что ему было известно про пункт назначения.

В своё время там жили и Сислей, и Моне, и Берта Моризо. А старик Вламинк до сих пор пишет местные пейзажи. В общем, город художников. Штрих первый. В Буживале когда-то сочинил свою «Кармен» Бизе. А ещё тут жила Полина Виардо со своим русским любовником, то ли Турбеневым, то ли Тургеневым... С этими русскими фамилиями одно мучение. Другое дело Эмиль Габорио! В его первом романе детектив Лекок расследует историю именно в Буживале. Конечно, Габорио нагородил много несуразицы, но Ленуар его уважал и втайне мечтал, чтобы о его приключениях тоже когда-нибудь написали книжку. В общем, Буживаль – город музыкантов и писателей. Штрих второй. А ещё это излюбленное место отдыха парижан, где иногда их находят мертвыми... Штрих третий.

Сложившаяся картина напомнила Ленуару, что София фон Шён тоже крутилась в среде художников. Может, один из них и привез её покататься на лодке при лунном свете?

Тем временем трамвай прибыл на остановку Мост Буживаля, и Ленуар вышел. Эмиля и его «Дьяволицу» найти было легко. Продавщица станционного киоска сразу махнула ру-

кой в нужную сторону.

– Эмиль сегодня лес отбуксировал, только недавно вот вернулся. Вы его там, на барже, найдёте. Он у нас отшельник, особняком держится, на берег почти не выходит.

Хм, если так, это хорошо, значит, и краденое сбыть не успел.

Габриэль Ленуар таких, как Эмиль, сравнивал с собаками, охраняющими хозяйский дом. Нормальные будут лаять, как научили. Самые опасные лаять не будут, только рыкнуть и сразу укусят. А щедущие будут вилять хвостом и вымакивать кусочек мяса. Оставалось узнать, к какой породе принадлежал Эмиль-отшельник.

Ленуар позвал шкипера по имени. Тишина. Тогда сыщик прошёл по трапу и поднялся на баржу. Не успел он сделать и нескольких шагов, как из каюты выглянуло небритое, сильно загорелое лицо. Глубокие морщины между бровями, седые сальные патлы, усталость в глазах. Этому человеку явно тяжело давался кусок хлеба.

– Эй, куда лезешь?

– Эмиль Трико по прозвищу Отшельник, правильно я понимаю? – спросил Ленуар.

Шкипер нахмурился и сплюнул.

– На «Дьяволице» других не водится.

Кажется, пёс явно из тех, кто кусает. Ленуар решил не церемониться: таких надо кусать первым.

– Эмиль, перед тобой агент парижского префекта поли-

ции Габриэль Ленуар. Запомни, потому что повторять я не буду.

– Я уже всё нашему полицейскому рассказал, – прервал Габриэля Эмиль-отшельник. – Он на берегу, иди к нему.

На этом дверь каюты захлопнулась. Ленуар опешил. Он потел в трамвае не для того, чтобы какой-то нахал указывал, куда ему идти. Сыщик сам знал по крайней мере, дюжину адресов, куда мог послать это заросшее патлами чудо-юдо. И как теперь вытаскивать Отшельника из пещеры?

Сыщик вернулся к трапу и задумался. На дне баржи до сих пор валялись ошмётки древесной коры и куски бечёвки. Н-да. Недолго думая, Ленуар собрал из них кучку хвороста и сел покурить.

Что может быть для шкипера дороже его баржи? На ней он рождается, растёт, работает, воспитывает детей и умирает. Судя по «Дьяволице», она стоит не менее четырнадцати тысяч франков. На такой обычно живет вся семья: мужчины стоят у руля, женщины готовят, стирают, а иногда даже разводят кур, а босые дети играют на палубе. Большинство из них даже в школу не ходят – жизнь изучают на воде, а не по учебнику. По воскресеньям шкиперы собираются между собой, дуются в карты, играют на аккордеоне... Странно, что у Эмиля нет семьи.

Ленуар сделал самокрутку, затянулся и, громко топая, прошёлся по палубе.

Выглянув из каюты, шкипер увидел, что непрошенный

гость курит над кучей хвороста, и бросился к нему.

– Ах ты кот ободранный! Ты чего тут творишь, в гроб твою душу?

– Стоять! – резко скомандовал агент Безопасности, зажигая и занося спичку над сухой кучей древесной коры. – Не то я сожгу к чертовой матери твою «Дьяволицу».

Шкипер остановился и процедил сквозь зубы:

– Что тебе от меня нужно, начальник?

– Пары минут твоего внимания будет достаточно, – ответил Ленуар и уселся по-турецки на палубу.

– Что-что?

– Садись, Эмиль. Покалякаем.

Эмиль не двигался и молча смотрел на Ленуара.

– Во сколько ты сегодня нашёл барышню? – начал допрос сыщик, продолжая курить.

– В восемь склянок.

– Ты что, на флоте служил?

– Служил...

– Хорошо, значит, примерно в четыре утра. Лодка, в которой ты её нашёл, ещё у тебя?

По мрачному молчанию Эмиля Ленуар понял, что у него.

– В ней что-то было, кроме тела девушки?

– Нет, – честно ответил Эмиль.

– А на ней самой что-нибудь было, кроме платья? Украшения, брошки, записки?..

– Нет, – слегка смутившись, солгал лодочник.

Ленуар зажёг вторую спичку. Лодочник явно нервничал.

– С какой скоростью здесь течёт Сена?

– До трех километров в час, – с облегчением от того, что его спрашивают про родное, сказал Эмиль.

– Ладно, речной волк, не переживай: сегодня лодку я твою не сожгу, – проговорил Ленуар, пряча коробок спичек в карман. Эмиль выдохнул. – Но мне нужна твоя помощь. Во-первых, как, по-твоему, могло течение принести сюда девушку из самого Парижа?

– Нет, оттуда на пароходе четыре часа ходу. Шлюпка бы встала раньше. Ну, это... Прибилась бы к берегу сразу за Парижем.

– Хорошо. Вопрос второй. Из какого города сюда могло принести лодку с девушкой? Были в ней вёсла?

– Не было, – прохрипел Эмиль, потирая небритую щеку. – А лодка, наверное, из «Лягушатни» или из «Дома Фурнез» в Шату. Вы же сами берёте такие напрокат, чтобы поплавать с дамочками. Вам виднее.

– То есть из городов выше Шату она спуститься сюда уже бы не смогла? – пропустил укол лодочника Ленуар.

– Сюда бы не смогла. Пошла бы легонько вдоль правого берега острова, – махнул своей лапищей Эмиль на длинный остров, растянувшийся от самого Нантера до Буживаля.

– А мы, значит, смотрим на его левый берег... Понятно. Покажи лодку, в которой нашёл девушку.

Эмиль с неохотой двинулся к борту своей «Дьяволицы»

и показал Ленуару на подвешенную на канатах лодку. Она была из красного дерева, с чёрным лакированным ободком и раздвижным табуретом для упора ног. Такие редко сдавались в аренду неопытным в навигационном деле парижанам. Догадка Ленуара подтверждалась тем, что на борту не было никакого регистрационного номера. Обычно при покупке лодки для развлечения праздной публики её надо было зарегистрировать в префектуре полиции. Значит, либо номер сбился, либо его сняли, либо лодка частная...

– Ладно. Если мне понадобится что-то ещё, я знаю, где тебя искать. – Ленуар сделал пару шагов в сторону трапа, похлопал себя по карманам и сказал: – Ах, кажется, часы забыл дома. Не подскажешь, который час? Боюсь на трамвай опоздать.

Эмиль сначала растерялся, но, желая побыстрее спроводить столичную ищейку, нащупал в кармане своей холщовой куртки часы, вытащил их, открыл и сказал:

– Почти семь. Вам нужно поторапливаться...

Не успел Эмиль договорить, как Ленуар схватил его за руку. Хватка у парижанина оказалась знатной – от такой не отмахнёшься. От неожиданности Эмиль замер.

– А цепочка-то на часах порвана. Значит, ты их всё-таки сдёнул сегодня утром с девушки, да, Эмиль?

Лодочник рванул на себя, но тут же получил удар в живот и осел, выпуская из рук часы.

– Говори! – заревел ему в ухо разъярённый Ленуар.

– Я... Я хотел продать... Она же мёртвая, зачем ей часы? А у меня мечта. Буксир хотел купить. Уже пятнадцать лет деньги коплю, – сломленным голосом признался Эмиль.

– Так, часы я конфискую для расследования. А ты... – Габриэль посмотрел на шкипера. Теперь тот походил скорее на побитого жизнью бродячего пса, чем на злую собаку. – А ты забирай себе лодку девушки. Доносить не буду. Договоришься с вашим полицейским – лодка твоя. Может, и на буксир хватит.

На этом Габриэль Ленуар молча повернулся к трапу, лёгкой походкой спустился на берег и быстро пошёл обратно к трамвайной остановке.

Уже начинало темнеть. Сыщик достал из кармана свою находку и внимательно её осмотрел. Судя по ажурной отделке циферблата, серебряные часы явно стоили не одну тысячу франков. На откидной крышке была выгравирована изящная корона. Под ней в центре большими буквами было написано: «SOÑA», а справа проступали царапины, словно часть гравировки стерлась от удара. Ленуар немного знал по-испански, поэтому решил, что изначально там был написан глагол «SOÑAR», то есть «мечтать».

Опустив часы обратно в карман, агент Безопасности взглянул на мирно текущие воды Сены и вздохнул. В голове снова возник образ рыжеволосой Софии фон Шён. Когда они с Люсьеном рисовали девушку, она сказала, что мечтала танцевать в Опера Гарнье. Ложь это или правда, но в любом

случае теперь этой мечте настал конец. Как и смутной мечте Габриэля Ленуара встретить Софию-Анаис ещё раз.

Глава 7

Лисьи коготки

18 мая 1912 г., суббота

Уткнувшись в свои бумаги, Каби аккуратным почерком делал очередную запись в присутственной книге своего начальника. За годы совместной работы Ленуар так и не нашёл с ним общего языка. Слишком многое их разделяло. Взять хотя бы прошлую неделю. Сыщик лично участвовал в захвате банды Бонно, одна пуля даже продырявила его шляпу. А Каби только рапорт об этом писал. Причем со слов Пизона, потому что у сыщика так и не возникло желание об этом рассказать.

– Ленуар, у входа в префектуру вас ждет какая-то мадемуазель, – процедил сквозь зубы Каби и снова уставился в свои бумаги.

– Спасибо, Каби. Надеюсь, мне не надо расписываться в получении этого важного сообщения, – бросил ему Ленуар. От духоты в приемной ему всегда становилось дурно.

Оказавшись на свежем воздухе, Ленуар сразу понял, почему секретарь сегодня снова был таким мрачным. К сыщику подошла молодая женщина с большими карими глазами, из разряда тех, с которыми бедный Каби, наверное, встречается только в своих беспокойных снах. Из-под широкополой

шляпы с рыжим пером выглядывали короткие каштановые волосы. Шею и плечи обволакивали белые кружева, переходящие в районе груди в длинное приталенное платье с двумя рядами пуговиц. Новый пиджак в форме дневного смокинга органично дополнял весь ансамбль, но обувь явно была поношенной. Девушка захлопала длинными ресницами и улыбнулась. Очаровательное...

– Господин Ленуар? Меня зовут Николь Деспрэ, я работаю на газету Le Petit Parisien, – прервала девушка мысли агента Безопасности. Очаровательные создания журналистикой не занимаются! К тому же всех главных репортёров Парижа Ленуар знал. Эта женщина была либо новенькой, либо не работала журналисткой.

Он молча повернулся и пошёл к своему велосипеду производства фирмы «Ласточка». Девушка не растерялась, подобрала платье и быстро засеменила рядом.

– Мне стало известно, что именно вы займётесь расследованием загадочного и ужасного убийства Софии фон Шён. Она ведь дочь посла могущественной Германской империи! Можете ли вы поделиться с нашими читателями своими первыми заключениями о том, каким образом злодеи расправились с невинной девушкой? Почему её оставили в лодке одну во мраке ночи? Встречались ли вы уже с безутешными родителями жертвы?

У Ленуара даже дух захватило от такого количества журналистских клише. Ему всегда казалось, что у подобного ро-

да писак где-то внутри всегда был открыт словарь, из которого они выбирали только самые употребительные сочетания слов. Обиднее всего было то, что девушка всё-таки была настоящей журналисткой и, как это делают набившие руку репортёры, уже в вопросах предлагала готовые ответы косноязычному полицейскому. Ему же отводилась роль сухой функции, созданной для выражения только количественных данных. Может, её перевели в Париж из другого города?

– Мадемуазель Деспрэ, я вам не мешаю заниматься вашим делом, не мешайте, пожалуйста, и вы мне. У меня нет времени давать вам интервью. – Ленуар отвязал свою «Ласточку» и закинул ногу на педаль.

– Господин Ленуар, подождите! Я опытная наездница, давайте поговорим на ходу. Тогда это совсем не отнимет у вас времени, – при этом журналистка кое-как устроилась на багажнике «Ласточки» и уцепилась своими тонкими пальцами за велосипедное седло.

Какая настырная! Хорошо, раз дамочка настроена так серьёзно... Может, поездка по каменной мостовой отобьёт у неё желание совать нос не в свои дела?

Ленуар опустил правую ногу на педаль и поехал к набережной прямо через лужу.

– Можете начинать своё интервью, мадемуазель Деспрэ, – сказал он.

Заметив, что подол платья уже заляпан грязью, девушка тихонько чертыхнулась, но потом спохватилась и задала во-

прос:

– Скажите, известно ли уже, с кем бедняжка Софи провела вечер накануне своей трагической гибели?

– Это мы попытаемся выяснить в первую очередь, – ответил Ленуар.

– Значит, мы сейчас направляемся на своём ве-ло-си-пе-де к Вильгельму фон Шёну? – подпрыгивая на очередных камнях, продолжала донимать вопросами журналистка.

– Именно туда я и направляюсь. Однако боюсь, что вас к нему не пустят, – сворачивая на Новый мост, ответил Ленуар.

– Говорят, девушка была босая, в одном платье. Были ли на ней ещё какие-то предметы, подозрительные следы?

– Никаких предметов не обнаружено, как и насильственных следов смерти.

– А почему для расследования этого дела выбрали именно вас, господин Ленуар?

От неожиданности господин Ленуар чуть не врезался в автомобиль. При этом руль повело в сторону, и агент Безопас-

ности вместе со своей спутницей полетел в лужу.

– Так, на этом наше интервью можете считать оконченным! – вставая и отряхиваясь, проговорил он.

– Ленуар, я не виновата, что вы даже с велосипедным рулем не можете справиться! Вы только посмотрите, во что превратился мой костюм?! – закричала на него журналистка. Всё лицо её было перепачкано, и на сей раз обошлось без писательских клише.

– Я не просил за мной увязываться, мадемуазель Деспрэ! Следите лучше за чистотой вашего платья, а не за ходом полицейского расследования! – Ленуар оттащил «Ласточку» на тротуар и осмотрел велосипед. – Из-за вас мне теперь тоже придётся ехать домой и переодеваться. Ещё и колесо лопнуло.

Девушка поднялась на тротуар и протянула сыщику часы Софии фон Шён.

– Это выпало у вас из кармана, господин Ленуар. Эти часы принадлежали жертве? Почему вы сказали, что на ней ничего не нашли? – спросила журналистка, осматривая часы.

– Происхождение этих часов вас не касается, – сухо ответил Ленуар, забирая улику из рук нахальной дамочки и поворачивая к дому. Журналистка не отставала.

– Часы висели у неё на шее или она носила их в сумочке?

– Мадемуазель Деспрэ, я же сказал, что интервью окончено. Я живу здесь, на перекрёстке де Бюси, и не намерен приглашать вас к себе в гости. Всего хорошего!

– Вы говорите, что делаете свою работу, но я ведь тоже занимаюсь своей работой! Господин Ленуар... – начала было журналистка, но, увидев его выражение лица, она вытерла белой перчаткой нос и бросила её на дорогу, словно вызывала сыщика на дуэль. Ленуар заметил, как у женщины увлажнились глаза, но в следующий момент она развернулась и решительно застучала каблучками обратно в сторону Нового моста. Бывают же такие приставучие дамочки!

Между тем Ленуару действительно нужно было переодеться. Не являться же в германское посольство в перепачканном костюме. Он быстро пошёл в сторону дома, продолжая злиться на молодую журналистку. В какой она, сказала, работает газете? В *Le Petit Parisien*? Что ж, посмотрим.

Ленуар махнул продавцу в газетном киоске и купил последний номер. Затем он оставил «Ласточку» во дворе дома и поднялся к себе на последний этаж.

Служанка ещё не убирала, поэтому в апартаментах агента Безопасности царил полный кавардак. Вчера Ленуар пытался воссоздать расположение французских и немецких войск в битве при Божанси в декабре 1870 года – весь стол до сих пор был заставлен фигурками солдатиков.

Отец Ленуара умер от ран, полученных во Франко-прусской войне, и им с матерью приходилось трудно. Она начала давать уроки музыки чужим детям. На няньку денег не было, поэтому пятилетний Габриэль в это время подолгу сидел дома один. Сначала ему было очень страшно. Порой да-

же казалось, что мама ушла и никогда больше не вернётся. В такие минуты очень хотелось плакать, но он ставил перед собой часы и просто считал минуты до прихода мамы. Она всегда возвращалась.

А потом из Лиона в Париж снова вернулся дядя Дюрок. Он-то и подарил племяннику его первых солдатиков. На ночь мама читала Габриэлю получаемые по подписке книги Жюль Верна и «Историю Пелопонесской войны» Фукидида, а днем Габриэль разыгрывал услышанные истории с фигурами солдатиков.

Сыщик аккуратно сложил солдатиков в угловую стеклянную витрину, которую когда-то купил у отца Элизы, и пошёл умываться и переодеваться в чистый чёрный костюм. Подкрутив перед зеркалом усы, он сел за стол, убрал оттуда оставшиеся колоды карт и рисунки и разложил перед собой купленный номер газеты. На второй полосе нашлась интересующая его статья:

Трагедия в первой немецкой семье Парижа

Дочь посла Германской империи в Париже, семнадцатилетняя София фон Шён, была найдена в пятницу утром мёртвой. Её бездыханное тело было обнаружено в лодке в Буживале и доставлено в морг. Настоящая трагедия в семье фон Шён.

Буживаль давно притягивает к себе свободомыслящую молодежь, но где начинаются и где заканчиваются пределы этой свободы? Кто защитит наивную девушку, попавшую в адский вертеп ночной

жизни, если даже дочери посла Германской империи уготован такой печальный удел? Дело поручено префектуре полиции, и мы будем регулярно и подробно рассказывать нашим читателям о ходе расследования.

Вильгельму фон Шёну шестьдесят один год. Он приехал в Париж из Берлина, где три года занимал пост статс-секретаря министерства иностранных дел. Это неудивительно. Сегодня судьба всей Европы решается в Париже. Как известно, посол Италии Титтони, посол России Извольский и посол Испании Перес Кабальеро-и-Феррер тоже раньше заведовали внешней политикой своих стран, а теперь служат в столице Франции.

Сын президента Торговой палаты Вормса, Вильгельм фон Шён рано осиротел. Его мать вышла замуж за брата покойного мужа, художника. Сам фон Шён женился на Фрейне де Грут, дочери бельгийского посла Шарля де Грута, и получил в Гессе дворянский титул.

Вильгельм фон Шён знаком с Францией с 1887 года, когда служил советником посла в Париже. Он прекрасно знает историю нашей страны и чувствует дух нации. В 1900–1905 годах фон Шён занимал должность посла в Копенгагене, а затем ещё год – в Санкт-Петербурге. Посол изъясняется по-французски, знает испанский, английский и русский. За выдающиеся заслуги в заключении выгодных для Германии соглашений император Вильгельм II пожаловал ему баронский титул. А сегодня ставит на

барона фон Шёна, чтобы тот прикрывал его тыл во Франции.

Однако невозможно ратовать за мир в Европе, бросая вызов нашей стране за её пределами. В прошлом году немцы уже показали своё истинное лицо. Тогда наши войска, пытаясь защитить европейцев в Марокко, оккупировали Фес. В ответ на это правительство Вильгельма II ввело в Агадир свою канонерскую лодку SMS «Пантера», показывая свой грозный кулак и открыто заявляя об империалистических планах. Ясно одно: после «прыжка «Пантеры» всем соседям кайзера придётся считаться с его претензиями не только на лидерство в Европе, но и с его притязаниями на наши колонии.

После Агадирского кризиса стало понятно, что без серии мер по дополнительному вооружению страны и союза с Англией мы не сможем противостоять возрастающим запросам Германской империи. Как сказал в своей речи от 10 февраля 1912 года Жорж Клемансо: «Мы хотим мира, мы стремимся к миру, потому что он нужен нам для восстановления нашей страны. Но если нам навязжут войну, отступить мы не будем».

Пацифистское влияние Вильгельма фон Шёна на кайзера заметно ослабевает. Мы ценим попытки посла умирить горячие головы немецких адмиралов и сохранить в Европе мир, но долго ли ему удастся удерживать это шаткое равновесие, когда в Париже погибла любимая дочь?

Читайте нашу газету, и всё узнаете.

Лис

Глава 8

Безутешный отец

Ленуар подошёл к зданию германского посольства на набережной Сены и представился. Швейцар кивнул орлиным носом, провёл во двор и попросил подождать. Посольство располагалось в великолепном особняке, который когда-то принадлежал Евгению Богарне, пасынку Наполеона и вице-королю Италии. Но после победы над армией корсиканца его за полцены купила Пруссия, и с тех пор здесь обитали германские дипломаты. Гостей до сих пор встречал египетский портик, напоминающий о знаменитой кампании Наполеона в Средиземном море. Ленуару всегда казалось странным, что немцы выбрали в качестве резиденции для своих послов один из самых ярких образцов французского ампира. Похоже, их совсем не смущало, что над входом были вылеплены две змеи, а само здание являлось памятником Наполеону, покорившему сто лет назад всю Европу. Чем они руководствовались? Чувством прекрасного? Или это был прагматический выбор, потому что особняк Богарне находился недалеко от королевского дворца Тюильри? Впрочем, немцам всегда были свойственны и созерцательность, и прагматизм... Во время Парижской коммуны дворец Тюильри сожгли, а германское посольство продолжало стоять.

– Мсье Ленуар? – обратился к агенту Безопасности швейцар. – Пожалуйста за мной, господин посол готов вас принять.

Ленуар подумал, что его поведут через чёрный ход, но он ошибся... Они вошли через главный портик. Между лестницей и сияющим своей новизной лифтом стояла статуя девушки. В руках у неё был журавль. В Древней Греции журавлей считали символами долголетия и бдительности. Хм, бдительные немцы, следящие за легкомысленными французами. Неплохой символ «дружеских» отношений двух стран.

После залитой солнечным светом лестницы Ленуара повели через великолепные, но тёмные апартаменты. Чувствуя на себе взгляды работников посольства, Ленуар подумал, что, наверное, так и должны выглядеть тёмные силы, определяющие ход международной политики. Невидимые кузнецы европейского будущего.

Наконец слуга открыл тяжёлую двойную дверь и доложил о прибытии полицейского. Посол сидел за столом и жестом пригласил сыщика занять место напротив.

– Мсье Лепин предупредил меня о вашем визите, – сказал он низким голосом, выразительно раскатывая букву «р». Чёрный цвет костюма Вильгельма фон Шёна подчёркивал белизну его аккуратно уложенных седых волос и усов. Его усы и губы растянулись в дипломатически точной улыбке, но верхняя часть лица не двигалась, словно набрякшие веки и мешки под глазами её парализовали. Посол погладил алмазную булавку для галстука в форме лебедя и посмотрел на

Ленуара. Его глаза блестели.

– Признаться, я не ждал вас так скоро и уж тем более в обеденный перерыв. В Париже ведь обед всегда по расписанию, – сказал фон Шён, постукивая пальцами по столу. – Тем лучше. В свете случившегося у меня совершенно пропал аппетит. Наши журналисты уже подливают масла в огонь, называя смерть моей дочери убийством на почве национальной ненависти.

– По-вашему, это не так? – спросил Ленуар.

– Господин полицейский, по-моему, не существует стран, которые любят своих соседей, но это не повод для убийства. В сложившихся обстоятельствах...

– Вы имеете виду смерть вашей дочери?

– Да, в сложившихся обстоятельствах в моём положении особенно важно сохранять спокойствие. Конечно, я не собираюсь печатать свои портреты на шоколадных обертках, чтобы ублажать ими французов, как это делал мой предшественник, князь Гуго фон Радолин. Но и использовать смерть Софии как рычаг для запуска военных действий я тоже не намерен. Есть более действенные способы разрешить франко-германские противоречия.

– Какие?

– Продолжать вести диалог. Например, я согласился сегодня вас принять и ответить на ваши вопросы. – Фон Шён вытащил алмазную булавку, а потом снова проткнул ею шёлковую ткань своего галстука.

– Благодарю за оказанную мне честь. Господин посол, когда вы видели дочь в последний раз? – Ленуар решил не тратить государственное время зря.

– Во вторник вечером. Она приходила домой на ужин, – ответил фон Шён. Он откинулся на спинку кресла и мягко опустил руки на подлокотники из красного дерева, которые были сделаны в форме выгнувших шеи лебедей.

– Значит, София с вами не жила?

– Нет, по приезде во Францию мы сначала отправили её во французский пансион мадам Перро. Однако София взбунтовалась. Сказала, что там воспитывают одних святош.

– Вы перевели девушку в другой пансион?

– Да, она попросила нас перевести её в английский пансион миссис Дженкинс. Там училась дочь одного из работников посольства, поэтому я согласился. Если бы только заранее знать, к чему это приведёт...

– Вы считаете, что жизнь в пансионе оказала пагубное влияние на вашу дочь? – спросил Ленуар. Германский посол сжал правой рукой шею лебедя на своём кресле, бросил взгляд на морские часы на письменном столе и вздохнул.

– Считаю... Дело в том, что у миссис Дженкинс, наоборот, девушкам разрешалось очень многое. Конечно, они изучали музыку, танцы и английский язык, но, кроме этого, читали газеты и обсуждали права женщин.

– Обсуждали права женщин?

– Да, мне казались эти игры забавными и развивающими

ум юных девушек. Я даже спорил несколько раз со своей супругой, которую пугали все эти новые веяния. Как дочь бельгийского дипломата, она считала, что девочки из приличных семей не должны увлекаться подобным вольнодумством.

– И как же это, с вашей точки зрения, повлияло на вашу дочь?

– По-моему, Софию всегда отличала широта взглядов. Но когда ты живёшь в Петербурге или Берлине, эта широта взглядов значит не то же самое, что в Париже. Там она выражалась в умении отстаивать своё мнение, поддерживать разговор в обществе, а здесь... Здесь София научилась обманывать ради каких-то вздорных похощений с местными художниками и поэтами. – Услышав это, Ленуар невольно сжал губы. По сути, он тоже, получается, был частью этих «вздорных похощений». – Бедная девочка! София говорила, что идёт домой, а сама шла гулять по Парижу со своими новыми приятелями. Как же я сразу не уследил...

Голос фон Шёна сбился. Посол кашлянул и отвел отсутствующий взгляд в сторону.

– Вы думаете её убил один из них? Вы кого-то подозреваете? – продолжал задавать вопросы Ленуар.

– Если хотите знать моё мнение, её убили не художники, а парижское декадентство! Париж – опасный город. Он меняет суть каждого человека. София была впечатлительной девочкой, увлекалась литературой и искусством. А здесь всё обернулось лицемерием и обманом!

– Вам известно, с кем именно встречалась София?

– Когда я узнал, что она уходит из пансиона «домой», я послал нашу консьержку, мадам Юнг, проследить за ней. Выяснилось, что София тайно посещала собрания каких-то художников. Тайно! Вы можете себе такое представить? Во вторник у нас состоялся серьёзный разговор на эту тему. Вот до чего мою девочку довели новые парижские веяния... Это я её проморгал... Я был слишком погружён в работу и ничего не заметил.

Фон Шён посмотрел на одну из стен своего кабинета, где рядом с портретом Вильгельма II размещалась небольшая фотография молодого человека, похожего на самого фон Шёна.

– Это ваш сын? – проследил за взглядом посла Ленуар.

– Да, это Вильгельм фон Шён. Мой сын, – ответил посол.

– А где он сейчас?

– Он уже закончил учёбу и теперь работает в дипломатическом корпусе в Берлине. Он тоже очень любил Софию. Смерть сестры стала для него большим ударом. Я уже не говорю о Берте, моей супруге... – В голубых глазах посла застыли слёзы.

– Господин фон Шён, как вы знаете, София была обнаружена в лодке без признаков физического насилия. С вашей точки зрения, какова была причина её смерти?

– Я не намерен выполнять за вас вашу работу. – Казалось, вопрос Ленуара быстро заставил посла взять себя в руки. –

Я ведь не агент префекта полиции, или как вы там называетесь? В любом случае живой Софию мне никто уже не вернёт.

– Может, девушка чем-то болела?

– У неё был туберкулёз, но доктора говорили, что состояние дочери стабильно. Мы собирались отправить её на лето в Ниццу.

– Когда точно неизвестна причина смерти, обычно проводится вскрытие. Разрешите ли вы провести вскрытие тела вашей дочери? – спросил Ленуар.

– Об этом не может быть и речи. Вы и так уже похитили у меня жизнь Софии. Уродовать её тело я не позволю. Её сегодня же перевезут из морга к нам домой. Моя девочка достойна того, чтобы её похоронили с соблюдением всех традиций. – Фон Шён выглядел сейчас особенно усталым и сломленным. Казалось, что он цеплялся за похороны дочери как за последнюю возможность сохранить лицо. – А теперь, если не возражаете, я займусь своей работой, а вы своей.

– Вы отец, это ваше право, – сказал Ленуар, пропустив мимо ушей последние слова фон Шёна. Затем он вынул из кармана свой вчерашний трофей и спросил: – Господин посол, вам знакомы эти часы?

Посол посмотрел на часы и быстро перевёл взгляд на Ленуара.

– Откуда они у вас?

– Часы были найдены в Буживале, – не вдаваясь в подроб-

ности, ответил сыщик.

– Если они были на Софии, то по закону мне должны были их вернуть ещё в морге.

– Они были не на Софии, а в лодке, где она лежала. Французская полиция соблюдает законы своей страны, – твердо сказал Ленуар, глядя фон Шёну в глаза. – Так вам знакомы эти часы?

– Эти часы мне подарил император Вильгельм, когда я получил баронский титул. Видите на них корону? Теперь это баронская корона рода фон Шёнов. Я думал, что потерял часы, и был бы признателен, если вы мне их вернёте. – Посол явно подыскивал слова, чтобы сдержать прилив раздражения. – И я понятия не имею, что эти часы делали в лодке, где была найдена София!

Ленуар встал, поблагодарил посла за внимание и поклонился.

– Прошу прощения за неприятный разговор, но это моя работа. На время расследования часы останутся у меня. Примите мои глубочайшие соболезнования по поводу смерти вашей дочери.

Габриэль развернулся к двери и прямо на ней увидел рельеф с изображением Дионисия, сидящего на пантере. Такие барельефы обычно украшали во дворцах парадные столовые. «Какая ирония судьбы, что посол Германской империи занимает кабинет в бывшей столовой. Просто какая-то закулисная кухня!» – подумал сыщик и сразу отогнал эту

мысль как слишком предвзятое отношение к официальному представителю европейской державы.

— Господин посол, позвольте задать вам ещё один вопрос. Последний, — рискнул спросить Лёнуар уже у двери. — Как вы считаете, будет ли в Европе война между нашими государствами?

— Я всего лишь посол, который выполняет приказы своего правительства, — помолчав, ответил фон Шён. — Мое дело наблюдать за происходящим и стараться сохранить мир. Делать заключения, принимать решения — это удел руководителей повыше моего ранга. Я всего лишь пешка на их шахматной доске. Могу сказать только одно: во всём следует стремиться к компромиссу. Компромисс — это мир, всё остальное — война. Если французы пойдут на уступки, то войны не будет.

Глава 9

Искусство пить чай

При виде миссис Дженкинс Ленуар мысленно набросал её карикатуру. Получилась вытянутая мадам с крупной лошадиной челюстью, римским носом и высоко приподнятыми бровями. С первых минут их встречи всей своей сутью и манерами этот великолепный образчик Туманного Альбиона показывал, кто в доме хозяин. И это был явно не представитель французской полиции.

– Хотите чаю? Сейчас как раз пять часов, – спросила миссис Дженкинс.

– Нет, спасибо, – ответил Ленуар. Ему не хотелось долго засиживаться в женском пансионе.

– Прекрасно! – Миссис Дженкинс позвонила в колокольчик и сказала вошедшей служанке: – Глори, приготовьте, пожалуйста, чай для нас с господином полицейским. Вы знаете, как я люблю.

– Э-э-э... Спасибо... Миссис Дженкинс, расскажите мне о Софии фон Шён. Как она училась, ладила ли с другими девушками? – спросил Ленуар. Если повезёт, то долго чаёвничать не придётся...

Миссис Дженкинс сцепила пальцы рук.

– Мое заведение – один из самых добропорядочных пан-

сионов для девушек во всей Франции. Здесь учатся дочери князей, послов, банкиров, и никогда, – слышите! – никогда ни одна девушка своим поведением ещё не бросала такую тень на мою школу, как София фон Шён...

Ленуар начал сомневаться, достаточно ли понимает англичанка французскую речь, и попробовал зайти с другой стороны:

– У девушки были подруги?

– Я тщательно проверяю рекомендации каждого преподавателя моей школы, а потом присутствую на их уроках, чтобы лично убедиться в их компетентности! Родители доверяют мне воспитание своих детей, и я очень серьёзно подхожу к учебной программе.

– Миссис Дженкинс, у мадемуазель фон Шён были подруги? – решил настоять на своём Ленуар.

В этот момент вошла Глори с подносом и начала выставлять перед миссис Дженкинс необходимый фарфоровый инструментарий для правильного приема английского чая. Через минуту тот же набор, состоящий из чашки и блюдца с причудливыми розовыми цветочками, сахарницы, чайничка и маленькой тарелочки для чайнок, выстроился и перед Габриэлем Ленуаром. Сыщик вздохнул и продолжил продираться сквозь заросли благоухающих кустиков и листиков английского садика, который рисовала перед ним миссис Дженкинс. Он решительно взял свой чайник и вылил ароматный напиток в блюдце. У владелицы престижного панси-

она округлились глаза, но, как истинная англичанка, вслух никаких замечаний не сделала.

– Прекрасный чай, – с причмокиванием заметил Лемуар, довольный, что выбил из седла свою собеседницу. Миссис Дженкинс поправила очки. – Странно, что Англия славится разными сортами чая, но мужчинам почему-то всегда предлагают только чёрный с бергамотом...

Миссис Дженкинс опустила глаза, налила себе чашку чая, добавила туда капельку сливок и сделала маленький глоток.

– Так, значит, у Софии не было близких друзей, с которыми я мог бы поговорить о том, что произошло? – спросил Лемуар, довольно вальяжно откинувшись на спинку своего кресла. Миссис Дженкинс при этом ещё больше вытянулась в струнку, ещё раз поправила очки и сказала:

– У мисс фон Шён почти не было здесь друзей. Она казалась всем странной. И я в любом случае не позволила бы допрашивать французской полиции своих подопечных.

Англичанка вздёрнула носик, но, кажется, в первый раз ответила на поставленный вопрос! Лемуар ещё раз с причмокиванием хлебнул чай из блюдца. Миссис Дженкинс вздрогнула, словно её пытали.

– Хорошо, какую характеристику вы дали бы мадемуазель фон Шён? Как развивалась София в пансионе и достаточно ли благоприятной оказалась для неё созданная вами среда?

Англичанка вспыхнула, как розочка на её чашке, и ответила:

– Если бы мисс фон Шён проводила здесь всё время, то такая способная девочка, как она, могла бы стать прекрасной женщиной и завидной невестой...

– В чем же проявлялись её способности? – аккуратно опустив блюдо на стол, спросил Ленуар. Дженкинс с облегчением продолжила:

– Она была очень смышлёной девушкой, знала несколько языков, прекрасно музицировала на фортепиано – фрау Берн даже хотела просить её выступить в английском посольстве на благотворительном концерте по сборам средств для инвалидов войны. У мисс фон Шён был отличный слух!

– Вы сказали, что у неё не было друзей, потому что девушка была странной. В чем это выражалось? – спросил Ленуар, вспоминая очаровательную рыжеволосую красавицу, которую он рисовал вместе с другом.

– Мисс фон Шён вела себя как подобает приличной девочке, но иногда словно витала в облаках... Могла просто-таки перед окном полчаса, уставившись на улицу и крыши домов... И теперь я понимаю, что всё это было не просто так. Её уже начал манить этот город! Он уже отравлял её душу! – при этом на глазах у миссис Дженкинс проступили слёзы. Или это Габриэлю только показалось? Откуда в такой сухой англичанке жидкость для образования слёз?

– Когда вы видели девушку в последний раз?

– Она отпросилась домой во вторник и с тех пор не возвращалась, – ответила англичанка.

– Как часто София фон Шён уходила из пансиона? Можно ознакомиться с журналом присутствия? – спросил сыщик.

Миссис Дженкинс встала из-за стола.

– Господин Лемуар, такого журнала у нас нет... – скороговоркой сказала она. – Официально мисс фон Шён уходила к своей семье, домой. И в моём пансионе вам все могут этот подтвердить. Наша школа не несёт ответственности за поведение мисс фон Шён за её пределами!

Лемуар не ожидал такого отпора, поэтому сначала немного растерялся. Однако затем решил пустить в ход тяжёлую артиллерию и налил себе в блюдце ещё чая.

– Журнал присутствий должны вести в каждом частном учебном заведении, миссис Дженкинс. Придётся задержаться у вас ещё на пару часов, чтобы окончательно прояснить это недоразумение, – при этом агент Безопасности запустил палец левой руки в блюдце с чаем, засунул его себе в рот и облизал. – Подумайте ещё раз, может, он завалялся у вас где-то в столе? Всякое бывает... Или мне спросить у консьержки?

Англичанку затрясло. Она сглотнула и резко зазвонила в колокольчик.

– Глори, принеси наш журнал присутствий. И уберите, пожалуйста, чай. Господин Лемуар скоро уходит.

Глава 10

Схватка Пса и Петуха

19 мая 1912 г., воскресенье

Человек не создан для того, чтобы каждый день изобретать колесо. Наоборот, люди состоят из привычек, ритуалов и маленьких радостей, в которых душа каждого с удовольствием находит себе приют. Один утром покупает себе газету, второй по десять минут перед зеркалом выбирает себе галстук, третий отвечает на корреспонденцию, обмакивая в чернила старенькое любимое перо... Лишившись одной из подобных мелочей, человек выбивается из колеи. Готовность к новому и непредсказуемому всегда нужно уравнивать продуманной дозой знакомой до автоматизма рутины.

Габриэль собирался в Клуб кобальта, и для него такой ежедневной рутиной было утреннее бритьё, вернее, приведение в порядок усов и бороды. На торчащие в разные стороны волосы внимания он не обращал. Сыщик мог надеть вчерашнюю рубашку, но как можно появиться на людях с заросшими щетиной щеками? А поскольку его тело вообще отличалось повышенным волосяным покровом и бриться он вынужден был каждый день, такие минуты полного самоконтроля он регулярно использовал для того, чтобы обдумать текущее дело. При этом Габриэль подстригал себе бородку

и напوماживал уголки усов ровно настолько, насколько результат можно было бы интерпретировать как естественное стремление усов воссоединиться с бровями. Впрочем, густые брови тоже не оставались без внимания...

Сегодня, пока брился, Габриэль думал о том, что София фон Шён, конечно, совершала побеги в «парижское декадентство», но делала она это по определённом расписанию. Судя по журналу присутствий пансиона миссис Дженкинс, побеги случались по средам и пятницам. Когда Габриэль её рисовал, она пригласила его в Клуб кобальта именно в пятницу. Значит, по этим дням она точно там позировала...

Что ж, ничего удивительного, что в пансионе не обращали особого внимания на отсутствия девушки. Штрих первый: они были регулярными, а значит, в их основе была какая-то внутренняя закономерность. Штрих второй: София была из благородной и уважаемой семьи, и никто бы не поставил под сомнение её слова о том, что она уходила домой, тем более что на выходные девушки, чьи родители жили в Париже, действительно часто разъезжались по домам. Уйти в пятницу или субботу после полдника и вернуться в понедельник утром – что в этом особенного? Только до того, как отправиться домой, София ещё устраивала себе другие прогулки... Штрих третий: если миссис Дженкинс не смогла внятно указать на подруг Софии, то, может, у неё и не было этих подруг. В пансионе. А вместо этого София успела подружиться с кем-то за его пределами?

Одевшись, Габриэль достал набросок «Анаис Марино», прочитал на обороте адрес Клуба кобальта и направился на улицу Кампань Премьер. В этот воскресный день ему хотелось подышать свежим воздухом, и он пошёл пешком.

Дом, где находилась мастерская загадочного клуба, располагался между кладбищем Монпарнас и парком Люксембург. Он стоял сияющим великаном среди лилипутов. Громаду окон подчёркивала мелкая облицовочная плитка фасада, маленькие овальные просветы над дверьми и розочки в стиле ар-деко. Консьерж велел Ленуару подниматься на последний, четвёртый этаж. Дверь в мастерскую оказалась более красноречивой, чем любая табличка: она была полностью выкрашена в синий цвет.

Ленуар постучался. Кто-то повернул ключ, и перед ним возник невысокий молодой человек с будто размазанными под носом усами и тревожными глазами. Сыщик назвал своё имя и вошёл.

– Винсент П-пьерель, – с лёгким немецким акцентом ответил ему парень.

– Вы из Лотарингии?

– Да... Барди скоро подойдёт. – Художник суетливо подвинул Ленуару стул и продолжил собирать в папку разложенные на широком столе рисунки. Из огромных окон и просветов на потолке на художника падал дневной свет, рисуя вокруг него сияющий ореол. Благодаря белым и синим стенам мастерская казалась очень просторной. Пять современ-

ных мольбертов окружали расположенный в углу крутящийся подиум для натурщиц. Рядом с подиумом стояла пузатая печка. Её труба устремлялась ввысь и, преломившись под тупым углом у потолка, скрывалась в верхней части стены.

Ленуар не стал спрашивать про то, кто такой Барди, раз уж тот и сам скоро подойдёт...

– Вы, наверное, по поводу аренды помещения? – спросил Пьерель.

– Нет, я по поводу гибели Софии фон Шён, – понизив голос, ответил Ленуар.

– Ach so... – слегка растерялся художник и засунул руки в карманы. – С-софии фон Шён...

– Она работала у вас натурщицей, не так ли?

– Да, она приходит... Приходила к нам позировать по пятницам.

– Давно?

– Месяца т-три... – Пьерель засуетился, завязал папку с рисунками и сел как подкошенный на стул.

– Вы знали, что она была дочерью посла Германской империи?

– Нет... Она всегда говорила, что работает танцовщицей... Работала...

– Когда она последний раз здесь позировала? – продолжал задавать вопросы Ленуар.

– На прошлой неделе... А на этой не пришла. Сказала, что в среду уже занята. В пятницу её тоже не было – Барди

привёл ей на замену итальянку, из тех, кто ищет подработку натурщицами на улице Гран Шомьер...

– А Софию он тоже там нашёл?

– Нет, её привела с собой Анаис...

– Анаис? – удивился Ленуар, вспомнив о том, под каким именем представилась ему София.

– Да, она наша постоянная натурщица, тоже танцовщица. Вернее, просто танцовщица... – проговорил художник.

– Как вы относились к Софии фон Шён? Разве не было заметно, что она непрофессиональная натурщица?

Услышав этот вопрос, Пьерель хотел сначала что-то сказать, потом запнулся и, чуть помедлив, пошёл в угол мастерской, где на подставке стояли разные картины.

– Со... София была... Не знаю, поймете ли вы... Она была настоящей, живой, ещё не перегоревшей... – снова заговорил художник, вытаскивая одну из своих картин. – Судите сами...

Сыщик посмотрел на картину Пьереля. Это был портрет девушки. Рыжий цвет её волос ослеплял большим пятном, и его насыщенность подчёркивалась разными тонами контрастного синего кобальта, создавая иллюзию перспективы. Лицо девушки обводил чёрный контур, и на портрете Пьереля казалось, что от него исходило сияние. Всё внутри картины подчинялось диктату цвета. Палитра была насыщенной и хищно выпрыгивала на зрителя, принимая его за свою добычу. Большим усилием воли Ленуар отвёл глаза в сторону

и решил скрыть свою минутную слабость за вопросом:

– Вы, как я вижу, фовист?..

Пьерель с удивлением посмотрел на разбирающегося в искусстве полицейского.

– Да... Нет... Вернее, если для вас фовизм – это язык живописи, то я, конечно, фовист. А если вы считаете фовизм формой искусства, то знайте, что от одного слова «искусство» у меня начинают болеть зубы...

Чувствуя, что на этот раз они явно отделились от главной темы, Ленуар сказал:

– Кажется, София стала для вас настоящей музой...

– Она стала для меня не просто музой... Она сделала из меня нового художника, мои работы начали покупать галеристы и коллекционеры! – ответил художник, складывая портреты обратно на полку.

– Понятно... А как к ней относились другие члены клуба? Сколько, кстати, художников состоит в вашем клубе?

– Семеро... Не знаю, как её воспринимали остальные, но каждый из нас становился при ней чуть лучше и свободнее. Она вдохновляла нас на то, чтобы разрушать и создавать нечто новое, – сказал Пьерель. Глаза у него горели.

«Какой он ещё молодой», – подумал Ленуар. Затем достал часы и показал их Винсенту Пьерелю.

– Вам знакома эта вещьца?

Художник бросил взгляд на часы и вжал голову в плечи.

– Нет. Простите, если у вас больше нет ко мне вопросов,

то мне уже пора уходить... — при этом он взял свою папку с рисунками и направился к двери.

— Оставьте мне свой адрес на тот случай, если у меня всё-таки возникнут к вам дополнительные вопросы... — сказал Ленуар тоном, не предусматривающим отказ. Пьерель уже перед дверью продиктовал адрес своей мастерской, а когда собирался уходить, дверь открылась, и Ленуар увидел кучерявого парня с римским носом и большими карими глазами. За ним в дверном проёме темнела ещё одна фигура.

— Барди... — только и смог выдавить из себя Пьерель. — Я зашёл только за своими эскизами.

Новоприбывший обвёл глазами мастерскую и, увидев в руках Ленуара часы, повернулся к художнику.

— Это её часы?! Да как ты смеешь вообще сюда заявляться! — Голос Барди баритоном раскатился по мастерской, наполнив её итальянскими нотками. — Ты катался с ней в Шату, чтобы показать, где писали свои пейзажики Дерен с Вламинком! Ты читал ей стишки про любовь и бегал её провожать! А теперь её мёртвое тело находят в лодке в Буживале! Убийца!

Пьерель сделал два шага назад, но, услышав последние слова Барди, словно преобразился.

— Это я-то убийца? Да я преклонялся перед ней! А ты вскружил девушке голову, — прошипел он, сверкая глазами. — Ты обещал ей «светлое будущее под звёздами свободной от предрассудков любви»! Для тебя она была просто од-

ной из девчонок! Тебе на всех наплевать, Энрико! Если что-то и убило её, так это твоя безнравственность!

– Что, французский петушок ревнует? Да? – Барди толкнул Пьереля, у того выпала из рук папка и все рисунки разлетелись по полу. Итальянец схватил несколько упавших рисунков и, разорвав их на клочки, бросил обрывки в лицо Пьерелю. – Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку! Поздно! Поздно кричать ку-ка-ре-ку! Теперь она мертва!.. И всё из-за тебя!..

Тут душа поэта не выдержала, Пьерель схватил разложенный мольберт и с размаху ударил им Барди по лбу. Хрясь! Барди охнул и закрыл ладонью рассечённую бровь. Тем временем Пьерель уже поднял с пола табурет и снова замахнулся на противника, но Ленуар подскочил и схватил его за плечи.

– Спокойно, господа! Что это за художества?! – грозно прокричал агент Безопасности. – Что за ребячество?!

Пьерель швырнул табурет в сторону и опустился на пол. Барди с ненавистью наблюдал, как тот, ползая, собрал свои уцелевшие рисунки, но попыток мщения не предпринимал. Француз поднялся и выбежал из мастерской.

Ленуар проводил его спокойным взглядом, отмечая про себя, что, вероятно, именно «французского петушка» София фон Шён про себя называла Псом, за верность. А Петухом был этот Барди, который, чертыхаясь, промакивал кровь синим шёлковым платком.

Со стороны двери раздались громкие аплодисменты – в

мастерскую вошёл ещё один человек, наблюдавший до этого за происходящим со стороны.

– Энрико, ты был неподражаем! – прокомментировал он.

Итальянец отряхнулся и с недоумением посмотрел на Габриэля Ленуара, словно заметил его только сейчас.

– А вы, собственно, кто такой? – спросил он.

Глава 11

Вперед, Дасти!

Когда Габриэлю не хотелось терять время на долгие представления, он просто говорил, что он из полиции. Большинству людей этого оказывалось достаточно, чтобы перевести его из категории «незнакомец» в категорию «лучше вообще не знакомиться». При этом короткий ответ провоцировал моментальную реакцию, которую Габриэль ждал с любопытством энтомолога, подкарауливающего очередную бабочку для своей коллекции. На этот раз он тоже отметил, что после его слов спутник Барди опустил глаза и машинально скрестил на груди руки. Казалось, он уже жалел, что не остался за дверью. Сам же итальянец быстро отошёл к окну, словно ему вдруг стало тесно в просторной мастерской, и, не оборачиваясь, спросил у Ленуара:

– Вы занимаетесь расследованием убийства... Софии фон Шён?

– А почему вы думаете, что это было убийство?

Барди резко обернулся и посмотрел на часы в руках Габриэля.

– София была не из тех, кто накладывает на себя руки.

– Вы тоже член Клуба кобальта?

– Энрико его основатель и идейный вдохновитель, – отве-

тил спутник Барди.

– А вы, мсье...? – спросил Ленуар.

– Хоппер. Джозеф Хоппер. Я так, рядовой графист. Ценитель прекрасного.

– Джо приплыл в нашу полудохлую Европу из Америки изучать искусство. Хорошо, что познакомился со мной и быстро понял, что искусство давно сыграло в ящик! – вмешался Барди.

– У меня просто закончились деньги, Энрико, – развёл руками Хоппер. – Не все же родились с серебряной ложкой во рту...

– Кажется, вы уже видели эти часы... – Ленуар предъявил свой буживальский улов господам-художникам. – Она всегда их носила с собой?

– Дорогие часики, да? – оскалился Хоппер. – Я их на ней пару раз видел... Правда, без гравировки... Гм... Неплохой аксессуар для простой натурщицы. Я всегда подозревал, что наша мадемуазель была не лыком шита.

– Она была принцессой... Вернее, баронессой! – воскликнул Барди при виде короны на часах. – Как я её любил!.. София, звезда моего сердца...

– Ну да, София – звезда твоего сердца, Анаис – свет твоей души, Клеманс – приют, озарённый надеждой... – процедил сквозь зубы Хоппер, не разжимая рук.

Барди прыснул со смеху:

– Я не виноват, что они все так прекрасны! Любовь – та-

кое сильное чувство, Джо, его нужно вкладывать, как деньги, в разные банки, тогда она вернётся к тебе с процентами! Вот ты никого не любишь, поэтому в свои тридцать четыре и лысеешь! Ладно, поехали!

— Господа, у меня ещё остались к вам вопросы, — вмешался Ленуар. — Вы куда-то торопитесь?

Тем временем Энрико Барди закончил вытирать со лба кровь и, вытаскивая из стола небольшую брошюрку в синей обложке, помахал ею перед сыщиком:

— Да, мы торопимся жить, господин полицейский! Мы торопимся чувствовать кипящую в жилах кровь! Мы...

— Мы едем на скачки... На Лоншане через час уже всё начинается, — подвёл итог Хоппер.

Ленуар выдержал выразительную паузу, надел перчатки и развел руками:

— Тогда чего же мы ждём, господа?

Если раньше у сыщика ещё были сомнения в том, что за час они до ипподрома не доедут, то при виде блестящего чёрного автомобиля Барди эти сомнения быстро рассеялись. Художники надвинули на лоб свои шляпы, а итальянец нацепил ещё и толстые очки с резиновыми застёжками на затылке. Ленуар любил скорость, но невольно подумал, что Барди перед ней преклоняется. Наверняка этот кудрявый максималист очень нравится девушкам. Внутри даже зашевелился червячок ревности, которому сыщик приказал есть своё яблочко и не высовываться, когда не просят.

– Зачем вам понадобилось организовывать Клуб кобальта? Разве нельзя было просто так собираться и писать картины? – обратился он к Барди.

– Просто так в жизни вообще ничего делать нельзя! Искусство для искусства, спокойствие и созерцательность – это прошлый век! Для того чтобы создать что-то новое, нужно сначала организовать и разрушить что-то старое! – Барди тоже натянул перчатки и бросил на заднее сиденье свою трость. Она приземлилась рядом с Ленуаром. – Двадцатый век – это не время скромных индивидуалистов, это время громких масс! И только так, действуя сообща и в одной упряжке, мы сможем вывести то, что называется сегодня искусством, на новый уровень реальности!

Закончив свою тираду, он бросил Ленуару ту самую брошюру, которой потрясал наверху.

– София была душой этой мастерской. Без неё я больше не хочу сюда возвращаться. Сдам кому-нибудь помещение и подыщу новое. Зашёл сегодня за текстом манифеста Клуба. Вот, почитайте, пока едем!

Барди запустил машину, Хоппер как-то суетливо перекрестился, и автомобиль основателя Клуба кобальта покатился по парижским улицам. Габриэль открыл книжечку и начал читать.

Кобальт – цвет Франции. Мы здесь живём, дышим и творим! Наши картины – это выстрел в будущее, это новая веха в истории страны, которой суждено стать колыбелью

Ренессанса XX века.

Автомобиль выскочил на бульвар Вожиар и, подпрыгивая по булыжной мостовой, помчался в сторону бульвара Гарибальди. Ветер дул в лицо, лошади шарахались от грохочущего мотора железного монстра, прохожие замирали на тротуарах, в страхе пропуская его вперёд. С такими водителями – ничего удивительного, что в XX веке так вырос риск умереть под колесами!

Кобальт – цвет униформ, а мы – это война! Война очищает от слабости и заблуждений. Война зажигает в нас жизнь, и мы светим, как факелы в темноте, мы светим и сжигаем сетчатку человеческих глаз ярким синим пламенем! Только агрессия даёт человеку энергию не сдохнуть и вольно дышать.

Машина рвалась вперед. Казалось, итальянец составлял с ней одно целое. Он вытянул шею и глядел только перед собой. Хоппер усиленно делал вид, что рассматривает пуговицы на своём полупальто, и судорожно пытался «вольно дышать». Лемуар подумал, что если машина сейчас врежется в какой-нибудь трамвай, то, пожалуй, он вылетит из неё первым.

Кобальт – цвет королей, и наша голубая кровь – это готовность разорвать мертвечину искусства на куски и бросить их на съедение светским болонкам. Искусства нет. Искусству – нет! А жизни – да!

Тем временем они уже подъезжали к мосту Йена у Эйфеле-

левой башни. В очередной раз подпрыгивая на мостовой, сыщик посочувствовал лошадям и их укротителям, чьи статуи украшали мост. Вот они, главные жертвы прогресса! Скоро лошадей заменят машины, а животных можно будет увидеть только на скачках. Мысль о том, что скачки тоже когда-нибудь могут отменить, в голову не пришла ни одному из троих пассажиров.

Кобальт – цвет неба и моря. Они были у истоков Земли, так пусть же синий снова станет символом воли, владения, проникновения, наполнения, радости, оптимизма, энергии и силой, порождающей новые миры.

Да, новые миры – это замечательно... Особенно если при этом не будут погибать дочери дипломатов иностранных держав и удастся сохранить хотя бы тот мир, в котором они жили сейчас...

Кобальт – цвет духа и живой пульсации в мире машин, экранов и витрин. Мы гордо встаём и запускаем синюю волну времени, сметающую и поглощающую все условности и нормы. Мы сами – стандарт скорости и вибрации синей ночи и голубого дня. Наши тела в прошлом, но наши сердца бьются в будущем и бросают вызов звёздам!

Подписи членов клуба:

1. Энрико Барди, основатель;
2. Винсент Пьерель;
3. Джозеф Хоппер;
4. Рубен Альварес Саламанка;

5. *Александр Мансуров;*
6. *Маркус Краузе, казначей;*
7. *Хиро Аоки.*

Автомобиль продолжал мчаться в сторону Булонского леса. Теперь у сыщика был полный список членов клуба. Судя по тексту манифеста, девушку, наверное, привлекал этот революционный дух молодости... А ещё Барди со своими кудрями и большой и быстрой машиной... Хм, осталось теперь только разобраться, кто есть кто в этом синем зверинце... Пока самым подозрительным казался Пьерель. Он очень странно отреагировал на вид часов. К тому же от любви до ненависти – один шаг. Может, приревновал девушку к тому же Барди? Да и в Шату раньше её возил кататься на лодке...

Итальянец с его футуристическими замашками тоже мог убить девушку. Возможно, она в него влюбилась, а его любовь оказалась невзаимной или, вернее, раздробленной... В семнадцать лет ни одной девушке не хочется делить своего возлюбленного с другой. А молодых людей, наоборот, тянет «бросать вызов звёздам»...

Хоппер же вообще пока казался мутным типом.

Наконец они подъехали к входу на ипподром. Барди легко заплатил 18 франков за место под солнцем для своего автомобиля. Все пассажиры засунули оторванные билеты за ленты своих шляп и вышли на газон.

В воскресный день ипподром Лоншан наводнялся толпа-

ми людей. Высший свет и простые жители города, нелегальные букмекеры и узаконенные представители общества Pari Mutuel, заведующего всеми букмекерскими конторами, любопытствующие и карманники, проститутки и дамы благородных кровей – все собирались здесь... Нет, не ради того, чтобы полюбоваться лошадьми, а ради азарта игры.

Десятилетний паренёк продавал программы. Рядом предприимчивые торговцы кричали: «Кому карандаш? Бинокли! Аренда биноклей!» Дети бегали вокруг мамаш, а отцы подходили покупать последние выпуски газет Le Jockey и Auteuil-Longchamps. Со всех сторон раздавались призывы: «Делайте ставки! Гарантия победы за два франка!

– Джо, ставлю на Могадора на двенадцать против одного по луидору. Принимаешь? – предложил Барди.

Хоппер покачал головой. Для него это была слишком большая ставка. Один луидор равнялся двадцати франкам, а про двенадцать и говорить нечего.

– Господин полицейский, вы в доле?

– Я в доле! – ответил сыщик. Для Ленуара это тоже были слишком высокие ставки. На двадцать франков можно купить английские штиблеты от Bryan & Son с кнопками... Но азарт брал своё. Раз уж они на ипподроме, почему бы не сыграть? Ленуар знал Могадора: на этой неделе конь уже сбивался с ритма и точно не сможет победить.

Хоппер с удивлением посмотрел на Ленуара, но промолчал.

Тем временем жокеи прошли взвешивание, вывели на газон лошадей, сделали почётный круг и встали на исходную позицию перед забегом. Раздался выстрел – и кони понеслись. Толпа взревела. Все взгляды следили за беговой дорожкой. Самые смелые дамы вскочили на стулья, прижимая к глазам лорнеты. Мужчины орали, подпрыгивали и ругались. Весь Лоншан превратился в единый крик нетерпения.

– И победу одерживает Семендрия, обошедшая Могадора на полголовы... Третьим пришёл Наполеон! Делайте ставки, господа! Делайте ваши ставки!

Барди протянул Ленуару двадцать франков и узнал наконец, что удачливого полицейского зовут Габриэлем.

– «Курица», «курица» по пять франков! Кто участвует? – проходящая мимо женщина в зелёном платье держала перед собой шляпу и торопила делать новые ставки. В следующем забеге участвовало семь лошадей – нужно было семь участников. Каждый бросал в шляпу по пять франков и вытягивал бумажку с номером. Часть выигрыша доставалась женщине в зелёном, а остальные деньги – тому, у кого оказывался номер победившей лошадки.

По-хорошему, Ленуар должен был бы арестовать шляпницу, но сегодня он чувствовал себя больше игроком, чем полицейским. Как говорится, можно запретить играть, но саму игру запретить нельзя.

Вся троица скинулась по пять франков и стала ждать результатов второго забега. На этот раз «курица» досталась

незнакомцу в полосатом галстуке... Что ж, скачки только начинались...

На последний, двенадцатый забег, вывели лучших лошадей. Публика была так разгорячена, что решили ставить весь сегодняшний выигрыш на фаворита последнего месяца.

– Габриэль, ты тоже на Дасте? – спросил уже перешедший с сыщиком на «ты» Барди.

– А на кого же ещё?

Жокеи приподнялись на лошадях, выстрел, и ипподром снова взревел.

– Вперёд, Дасте! – орали Барди и Хоппер.

– Давай, Дасте! – вторил им Габриэль. В этот момент не существовало ничего важнее победы.

Кони быстро пронеслись мимо, ещё пара секунд – и... Но на этот раз первым пришёл Гладиатор...

– Вот чёрт! – схватился за голову Барди.

– М-да... Сегодня не наш день... – процедил сквозь зубы Хоппер и со злостью добавил: – Придётся снова рисовать барышень!

Габриэль только покачал головой. Теперь у него не было денег даже на обратную дорогу в Париж.

Глава 12

Дом туманов

Обратно ехали молча. Ленуар попросил подвезти его в центр города, подумав, что сегодня сделано достаточно много, чтобы можно было с чистой совестью отправляться домой. Барди вежливо согласился подвезти до Парижа, но было очевидно, что его любезность имеет пределы и дополнительные разговоры по поводу гибели Софии фон Шён она не выдержит. Пытаясь сбить в дорожной толпе пешехода или, на худой конец, хотя бы голубя, итальянец мрачно давил на педаль... Хоппер достал свой карманный блокнот и при каждой вынужденной остановке делал наброски. На Елисейских Полях он зарисовал, как дети катались в коляске на козе. А на площади Согласия – как мужчина загляделся на незнакомку в новом автомобиле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.